

Дмитрий Демин
Виктор Журавлев
Вадим Журавлев
Лев Штуден

ПО КУРСУ
ГОРИЗОНТ

ЭТЮД

*Была война. Большие были беды.
Качалась твердь и чавкал глинозем.
Где пораженья были, где победы –
Мы до сих пор никак не разберем.*

*Чернели трубы, голые, как трупы,
А трупы белым снегом замело...
Над Волгою, выдерживая румбы,
В зеленом небе плыли НЛО.*

*Они летят. У них – своя программа,
Свои пакеты прикладных задач.
Их не интересуется панорама
Слепых побед и временных удач.*

*Вагонами забитых полустанков
И кровью переполненных «котлов»
Как хорошо увидеть спозаранку
Неяркий свет чуть ниже облаков!*

*Пока стоит Европа за баландой,
Гремят моторы танковых армад –
На пульте формируется команда:
«Сменить режим – по курсу Волгоград!»*

Дмитрий Дёмин

ЭКИПАЖИ УФО

*Давайте исключим сомнамбулизм,
Святую ложь активного полета.
Что же остается? Сложная работа,
Название которой – катаклизм.*

*Пусть пламя плазмы, в жерлах трепеца,
Вновь соберет волхвов вокруг Голгофы.
Да здравствуют модели катастрофы
И симбиоз кинжала и плаща!*

Дмитрий Дёмин

Дмитрий Дёмин
Виктор Журавлев
Вадим Журавлев
Лев Штуден

*Посвящается 70-летию
Дмитрия Валентиновича
Дёмина*

ПО КУРСУ ГОРИЗОНТ

Издательство Томского университета
2003

ББК 72
П 64

По курсу горизонт/ Дмитрий Дёмин, Виктор Журавлев, Вадим Журавлев, Лев Штуден. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – 64 с.

Работа новосибирских ученых посвящена проблеме «горизонтного знания» - тем аспектам научного исследования, которые проявляются на пределе познаваемого, когда перестают «работать» привычные, апробированные методы и становится неадекватной устоявшаяся научная парадигма.

В книгу вошли также эссе с анализом символических стихов Д.В. Дёмина отца и сына Журавлевых и воспоминания о нем близкого друга Дёмина Л.Л. Штудена.

- © Дёмин Д.В., Журавлёв В.К., 2003
- © Журавлёв В.К., 2003
- © Журавлёв В.В., Журавлёв В.К., 2003
- © Штуден Л.Л., 2003

ISBN 5 – 7511 – 1733 - 6

Демин Дмитрий Валентинович
(1933 - 1998)

*Не уподобился ль полону
Ты среди жизненной возни?
А надо строить жизнь по Лему,
И по Стругацким, черт возьми!*

Кем он был? - Поэтом? Учёным? Бардом? Классиком? Романтиком? Блестящим дилетантом? Диссидентом? Патриотом?

Он был Дёминым. Яркой, неповторимой индивидуальностью. Это о нём было когда-то сказано: «Не люди умирают, а миры». С Дёминым ушёл целый мир - большой, сложный и нами даже, близко знавшими его, до конца не познанный. Будучи очень коммуникабельным человеком, он не был рубахой-парнем. Никого не подпуская к себе близко, он жил напряжённой интеллектуальной жизнью, которая останется теперь для всех тайной навсегда.

России недостает сегодня Дёминых - умных, честных вперёдсмотрящих, не боящихся идти против течения - каким бы знаком это течение ни было бы отмечено. Он шёл против течения в молодости - и за это пострадал, и это все знают, но он пошёл против течения и в последние годы жизни - не боясь натолкнуться на осуждение и неприятие...

Дёмин никогда не сидел, как Скупой Рыцарь, на сундуке своих идей. Сундук этот был всегда открыт - приоритеты его не интересовали. В сундук заглядывали - и с разрешения, и иногда, полагаю, - без. Это удел богатых и сильных, ибо богат не тот, у кого «мерседес», а тот, кто может отдать свою идею за просто так хотя бы потому, что у него этих идей немерено.

Академик АМН Николай Васильев (1930-2001)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Статья Д. Дёмина и В. Журавлева «Там, за Горизонтом», написанная в 1980 г., исправленная в 1988 г., в 2003 г., наконец, выходит в свет. На первом этапе она была признана совершенно «непечатной», на втором – «содержащей интересные мысли, но пока неактуальной». Сегодня появилось мнение – конечно, далеко не всеобщее – что ее актуальность со временем растет. Один из ее соавторов – Дмитрий Дёмин – не дожидаясь этого этапа – в 1998 г. он ушел из жизни. За месяц до смерти Дмитрий, продолжавший интенсивную интеллектуальную работу и в «скорбных стенах больничной палаты» (его формулировка) вспомнил об этой нашей совместной работе. Он убеждал меня, что, пользуясь новой ситуацией в отношении научной цензуры, необходимо – после незначительной доработки – всё же опубликовать это научно-популярное эссе. Недооценка стратегических и философских аспектов науки её лидерами волновала его больше, чем безнадежная ситуация, в которую он попал. К тому времени я был почти уверен, что текст вряд ли удастся найти, но, конечно, не спорил.

И вот текст нашелся. Появилась возможность вынести его на суд широкого круга научной интеллигенции. Поскольку текст печатается без поправок, читатель вправе поинтересоваться, что изменилось в проблемах, обсуждавшихся в статье, за те 15 лет, пока она ждала своей очереди выхода в свет?

Не изменился и становится всё более опасным для судеб человечества дрейф мировой цивилизации западного типа к мировой катастрофе. Продолжает расширяться зазор между картиной мира, рассматриваемой как очевидная нормальной наукой, и той картиной космоса, в рамках которой протекает реальная деятельность государственных и общественных структур и организаций. Появилось несколько книг отечественных авторов, исследующих аномальные явления и события как профессионалы.

В 2000 г. появился и первый официальный обзор истории изучения проблемы НЛО в СССР – статья Ю. Платова и Б. Соколова в «Вестнике Российской академии наук», сделавший достоянием гласности бывшие секретные государственные программы СССР в этой области. В 1994 г. начал издаваться и регулярно продолжает выходить (при поддержке голландских ученых-уфологов) под

редакцией В.В. Рубцова бюллетень на английском языке, публикующий научные статьи и обзоры в области научной уфологии и палеокосмонавтики (RIAP Bulletin). Продолжали выходить работы многочисленных уфологических обществ в США, Англии и других зарубежных странах. По-прежнему обычный стиль таких книг - нечто среднее между развлекательным и научно-популярным изданием. Появились, однако, и книги вполне научного характера, среди них можно отметить труды профессора Ричарда Хейнса из США («Сообщения о необычных летательных аппаратах во время войны в Корее», 1990 г.; «Проект Дельта», 1994 г.).

Наибольший прогресс в области проблем Горизонта науки за прошедшие годы был достигнут в такой спорной области, как лозоискательство. Впрочем, современные экстрасенсы-лозоискатели давно перешли от использования прутиков лозы к металлическим рамкам и именуют себя вполне современным термином - «операторы биолокации». У геологов разных профилей метод биолокации стал обыденным - очень эффективным - практическим методом поисков воды, руд, нефти. Их мало беспокоило отсутствие физической теории этого метода, который продолжал совершенствоваться и разделяться на узкоспециальные разновидности. Успешно исследовалась задача разработки биолокационных эталонов. Практическое совершенствование метода биолокации направлялось томским геологом профессором А.Г. Бакировым и председателем межведомственной комиссии по биолокации Н.Н. Сочевановым. Заслуженный деятель науки, профессор Томского университета Г.Ф. Плеханов провел широкий комплекс исследовательских работ по изучению не только эффективности метода биолокации, но и его природы, ставя эксперименты и используя методы математической статистики. Долгое время эти работы были доступны только узким специалистам. Однако в настоящее время в одном из московских издательств готовится к выходу научно-популярная книга Плеханова «Феномен умного Ганса», благодаря которой с результатами научного изучения биолокационных методов и феномена телепатии в 70 – 80-х гг. смогут познакомиться широкие круги как ученых, так и любителей науки. Это не значит, что «загадка экстрасенсорного восприятия» наконец-то окончательно решена. Но работы Г.Ф. Плеханова дают замечательный пример разработок строгой научной методологии при исследовании проблем Горизонта.

К сожалению, во многих других направлениях научной разведки качество контактов между разведчиками и регулярными отрядами науки до сих пор оставляет желать лучшего.

В Новосибирском государственном университете студенческий научный клуб «Пульс будущего» в 90-х гг. сумел издать два выпуска сборника «Современные проблемы естествознания», в котором помещены вполне зрелые работы по темам научного Горизонта. Расширялась и совершенствовалась деятельность Всероссийской научно-общественной организации «Космопоиск». Несмотря на трудности эпохи социально-экономического кризиса, продолжала регу-

лярные экспедиционные и теоретические работы Комплексная самостоятельная экспедиция по изучению проблемы Тунгусского метеорита - КСЭ.

В последнем десятилетии XX в. неожиданно зазвучали – в весьма авторитетных кругах прикладных наук – декларации о важности исследований Тунгусской катастрофы и ее аналогов для нового вида инженерной деятельности глобального масштаба: разработки технических средств защиты нашей планеты от опасных космических объектов – комет и астероидов. КСЭ принимала активное участие в нескольких международных научных форумах в России и Италии, посвященных этой новой научно-технической проблеме. Прошедшая в 2003 г. в Москве научная конференция, отметившая 95-летний юбилей Тунгусского феномена, вынесла заключение (уже не первый раз в истории), что наконец-то получены убедительные доказательства кометной природы Тунгусского метеорита. На этот раз речь шла о комплексе многолетних работ, выполненных под руководством московского геохимика Е.М. Колесникова. Изучение сдвигов относительных содержаний стабильных изотопов некоторых элементов в торфе в центре катастрофы рассматривалось как убедительное доказательство выпадения неуловимого доселе вещества Тунгусского метеорита. Следует отметить, однако, что построение цельного сценария протекания катастрофы на базе компьютерного и натурного моделирования – еще впереди. Уже сейчас очевидно, что такое моделирование столкнется с принципиальными трудностями, если будет поставлена цель воспроизвести сценарий катастрофы, не отбрасывая ни один из ее достоверных следов и последствий.

Как это всегда было в истории науки, успех группы Е.М. Колесникова порождает новые сложные вопросы, прежде всего – для решения практических задач защиты Земли от астероидно-кометной опасности.

Д. Дёмин, бывший одним из организаторов и активистов КСЭ, будучи уже тяжело больным, продолжал активную работу по разработанному им новому направлению исследований - анализ статистической дисперсии вывала леса. Проведя анализ стратегии научной работы на Горизонте знания, он не ограничился методологическими и философскими заключениями, но сделал героическую попытку - уже на пределе физических сил - показать, как можно работать «там, у Горизонта». Научные приложения математической статистики, как правило, стремятся выделить из хаотического разброса данных регулярную компоненту, которая и дает основания для конечных выводов. Гораздо реже исследователей интересует хаотическая составляющая исследуемой выборки, а ведь она тоже заключает в себе важную информацию. На конкретном примере анализа дисперсии радиального вывала Дёмин показал, как, используя коэффициенты корреляции, можно увидеть еще один порядок, скрытый в хаосе лесоповала. Его результаты подлежат проверке и более глубокому анализу, но вряд ли можно сомневаться в ценности разработанного им нового изящного и важного для практических применений метода.

Такие эффекты Тунгусской катастрофы, как сложные распределения тер-

молюминесцентных аномалий, странные очертания зоны ожога деревьев, следы космического пожара – до сих пор не расшифрованы. По-прежнему неясна и природа источника, вызвавшего региональную магнитную бурю после взрыва болида и ее след на поверхности земли – палеомагнитную аномалию.

Но нет сомнений, что грамотная организация стратегии исследований в тесном контакте с учеными, решающими проблемы прогноза и защиты от космических катастроф нашей планеты, - должна обеспечить окончательную победу и на этом участке линии Горизонта.

«Наука может работать у Горизонта знания, но этому ей надо научиться». Это - наиболее актуальный тезис для исследователей, штурмующих Горизонт знания в начале XXI в.

*В.К. Журавлев,
май 2003 г.*

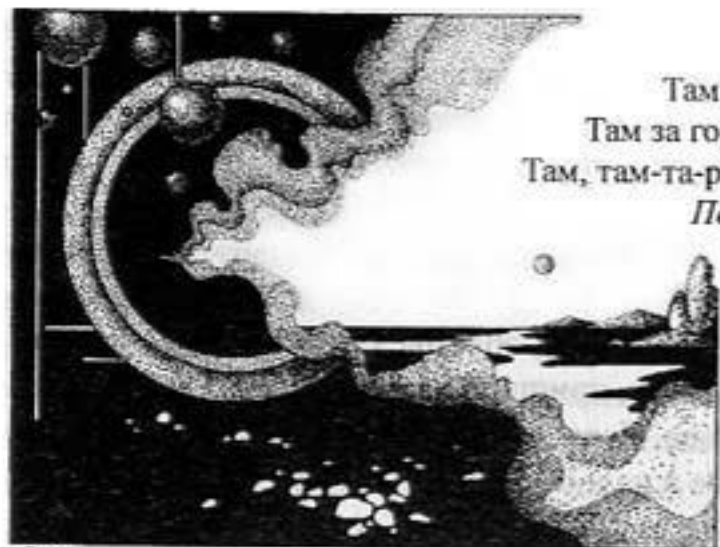
ТАМ, ЗА ГОРИЗОНТОМ

Авторы настоящей статьи, работая всю жизнь над задачами на стыках наук, с 1958 г. занимались еще и изучением проблемы Тунгусского метеорита и, отметив 30-летие своей деятельности, пришли к выводу, что эта проблема – единственное, чем стоило заниматься. Исследования упирались не в приборно-методическую нищету, не в недостаток средств или энтузиазма (хватало всего – и нищеты, и энтузиазма), – трудности лежали гораздо глубже. «Тунгусский метеорит» оказался феноменом, для изучения которого были нужны не новые приборы, а новая философия.

Текст этой статьи был написан в 1980 г. для научно-публицистического сборника, но не увидел света по причинам, о которых можно только догадываться. Статья посвящена изложению идей авторов, касающихся путей к вещам и явлениям, находящимся далеко за горизонтом сегодняшних представлений о возможном и невозможном. Мы не стали что-либо существенно менять в тексте, написанном более восьми лет назад, хотя и понимаем, что в целом он принадлежит уже другой эпохе. Однако поднятые нами вопросы не только не устарели, но с каждым годом становятся все более актуальными.

1988 г.

1. На краю Ойкумены
2. Горизонт сегодня. Внеземные цивилизации
3. На горизонте пришельцы!
4. Проблемы пределов знания
5. Внимание: по курсу – Горизонт!
6. Стратегия против стратегии

Там за горизонтом,
Там за горизонтом,
Там, там-та-рам, там-та-рам...
Песня нашей молодости

1. На краю Ойкумены

В мире будущего, построенного И.Ефремовым в «Туманности Андромеды», кроме привычных Академий Медицинских, Педагогических, Сельскохозяйственных, а также просто Наук, мы видим такие образования, как Академия Стохастики и Предсказания Будущего, Академия Горя и Радости, и ряд других академий, на одной из которых необходимо остановиться подробнее. Это – Академия Пределов Знания, «научная организация, работающая над проблемами, едва-едва намечающимися наукой». Итак, в предлагаемой модели будущего выделяется специфический вид деятельности, особая социальная функция, – работа на границе знания, обсуждение еще не существующих проблем, анализ неоткрытых законов природы.

Но ведь расширением круга познания, сражениями с чудищами, что толпятся за его границами, революционным завоеванием всё новых и новых территорий успешно занимается просто наука, просто Академия наук. Нужна ли нам специальная организация с вышеуказанными обязанностями? Нужно ли финансировать исследования, смахивающие на безответственную фантастику? Короче говоря, есть ли необходимость в Академии Пределов Знания сегодня – вот что мы хотим обсудить. А также – чем она будет заниматься, если – предположим невозможное – будет организована?

Обратимся к недавнему прошлому. Создание атомной бомбы, экспедиции в космос, мыслящие автоматы, единство пространства и времени, и множество других изделий фабрики чудес, имя которой – XX век, размыли в обыденном сознании еще недавно казавшуюся такой ясной и самоочевидной грань между возможным и невозможным, между наукой и фантастикой, между химерами интеллектуалов и действительностью в её плоти. Мы попытаемся убедить читателя в том, что уже сейчас определилось направление научного анализа

проблемы «сумеречного», пограничного знания, колышущегося на самом краю нашей Ойкумены. Вот образ, неоднократно использованный. Неизвестность – это плоскость, уходящая в бесконечность. Прямо у нас под ногами – пространство, освоенное социальной практикой. На этой крошечной территории – вся наша цивилизация – города и пахотные земли, миллионы видов машин, подводные лодки, самолеты, заводы, домашняя утварь, сады – словом все, что сделано. Круг более длинного радиуса – мир научных знаний, концепций, гипотез, поисков, экспериментов. Область эта неоднородна: здесь есть ярко освещенные зоны, есть, напротив, темные пятна, есть участки, едва освещенные. Существование этих участков не вызывает у современников особого беспокойства – ведь со всех сторон их освещает залитая ярким светом территория. Рано или поздно наука разрушит и эти последние очаги сопротивления и примет капитуляцию их гарнизонов.

На краю освещенного круга лежит *окружность горизонта*, где кончается *всякое* знание. Хорошо известен парадокс: чем обширнее область знания, тем протяженней периферия, фронт соприкосновения знания с неизвестностью. Еще на освещенной территории можно почувствовать приближение к этому фронту: катастрофически растет число нерешенных проблем, становятся зыбкими и неопределенными очевидные, казалось бы, вещи. Складываются оружие даже самые боеспособные отряды науки, подают в отставку самые талантливые полководцы.

Если разделить внутренний, освещенный круг на секторы – математика, физика, химия, биология, психология, социология и пр., то нетрудно обнаружить, что граница Горизонта геометрически неправильна, напоминает не окружность, а, скорее, контуры амебы. Необычайно интересен был бы фильм, где движение Горизонта было бы изображено в динамике. Мы увидели бы, как граница знания медленно и очень неравномерно ползет, охватывая неосвещенное пространство. Некоторые участки ползут быстрее, энергично выпячиваясь в виде длинных щупалец-лидеров, часто возвращаясь назад, пробуя другие направления, обеспечивая фланги. К ним подтягиваются соседние участки. Есть районы, где движения практически нет, и наши представления остаются такими же, как во времена Аристотеля. Есть районы, которые движутся очень медленно, но широким фронтом. Ушедшие вперед щупальца останавливаются, ждут подтягивания тылов. Иногда два лидера смыкаются далеко впереди, оставляя нетронутым оказавшееся между ними пространство. Оно уже подсвечивается с обеих сторон. Но освоить его пока невозможно – материальные ресурсы передовых отрядов ограничены, «серое пятно» ждет своей очереди, иногда очень долго.

В чем причина столь неравномерного наступления на Горизонт, столь больших издержек и жертв? Сопротивление среды? Ограниченность ресурсов, необходимых для более координированного наступления? Занятость основных сил человечества на сведение счетов на уже освоенной территории? Отсутствие

теории и методологии наступления? Отсутствие Академии пределов знания?

По мере приближения к Горизонту интенсивность освещения пространства светом знания ослабевает, однако резкой линии ни в одном из направлений, по-видимому, нет. Появляются признаки недостаточности, ущербности знания, которое становится приблизительным, отрывочным, несвязанным, отдельные явления представляются нескоординированными, возвышаясь над темной водой как разрозненные элементы какой-то неведомой конструкции. Наконец, наступает полная темнота. Это – Незнание.

Чем ближе к этой зоне – тем слабее напор наступления организованных отрядов науки. Здесь действуют отдельные разведчики и партизаны, часто на свой страх и риск, без материальной и моральной поддержки штабов «большой науки». Иногда одиночки объединяются в целые партизанские отряды, на научном жаргоне называемые «невидимыми колледжами», «институтами на общественных началах» или «группами инженеров, работающих даром». Судьба их оказывается различной – известны случаи, когда им удавалось проложить путь основным силам науки еще при своей жизни. Гораздо чаще их заросшие тропы становятся магистралями научного наступления тогда, когда имена и находки рубивших первые просеки давно канули в Лету.

Но в зоне за Горизонтом действуют не только партизаны. Сюда бегут, вытесняемые прожекторами науки, служители религиозных культов, здесь свивают гнёзда маги и шаманы. Здесь, подобно диковинным грибам и лишайникам, вырастают произведения лженауки.

Профессионалы с иронией и снисходительностью посматривают на «суету вокруг дивана», затеянную в неперспективных периферических уголках необозримого научного поля. Они знают цену всем этим псевдопроблемам – вроде планов концентрирования энергии или проектов полета на Луну, применения беспроводного телеграфа или телепатии, переливания крови или пересадки сердца, определения химического состава звезд или спектров марсианской растительности, поисков снежного человека или Тунгусского метеорита.

2. Горизонт сегодня. Внеземные цивилизации

Двадцатый век стал свидетелем одного из самых блистательных за всю историю человечества рейдов за линию Горизонта. Межпланетные сообщения, еще вчера бывшие мечтами непрактичных «чудаков и фантазёров», стали ежедневной реальностью, более того – будничной службой. «Работа как работа» – меланхолически отозвался о своей профессии один из космонавтов. Подумать только – техника работает в ближнем и дальнем космосе, люди вступили на поверхность Луны, посадили сложнейшую аппаратуру на поверхность Венеры и Марса, исследуют Юпитер и Сатурн!

Космическая техника в исторически кратчайший срок переместила черту

Горизонта знания далеко вперед. Ныне она проходит по демаркационной линии, называемой *проблемой внеземных цивилизаций*, являющейся типичным примером краевых проблем науки. До широкой научной общественности (и тем более, до научных штабов) крайне медленно доходит тот очевидный факт, что проблема эта – не экзотический островок в океане науки, не тема для вечернего кофе, а одна из важнейших, фундаментальнейших и актуальнейших проблем, когда-либо стоявших перед человечеством. К её решению давно пора приступить со всей ответственностью и энергией.

Пока наука о внеземных цивилизациях находится в детском возрасте. У нее еще нет даже общепринятого названия. Считать ли ее разделом социологии с добавлением «астро-» или «космо-» или космологии с добавкой «био-» или «психо-», включать ли в число пока не существующих «ноологических» или «космософских» наук? Название спектакля еще не определилось, занавес не открыт, режиссура неизвестна, – но перед нами уже остросюжетная драма идей и судеб...

Вспомним середину 50-х гг., когда два мало кому известных радиоастронома, один с итальянской, другой – с английской фамилией, обратились к директору всемирно известной обсерватории с предложением заняться поиском радиосигналов внеземных цивилизаций.

Реакцию ученого нетрудно было предсказать: он быстро сообразил, что перед ним – умалишенные, и едва не вызвал санитаров из ближайшей психиатрической клиники. Однако – кто бы мог подумать! – идея Коккони и Моррисона заинтересовала научную общественность. Авторитетный лондонский научный журнал печатает их статью, а через год начинается радиопатрулирование космоса по первой программе поиска сигналов от внеземных цивилизаций (проект «Озма», 1960 г.).

Что же произошло? Почему абсолютно бредовое (лженаучное, сказали бы мы) предложение получает поддержку вполне уважаемых ученых? Что за фермент был брошен в котёл мировой науки? Раскройте любой справочник по космонавтике и вы увидите дату – 1957 г. – год запуска первого спутника Земли, и если вы помните это событие, то не можете не ощутить снова священный холод гордости.

Отметим, что в задачу спутника вовсе не входил поиск сигналов внеземных цивилизаций или чего-либо подобного. Казалось бы, не было никакой связи между орбитальным околоземным полетом технического аппарата и фантазмагорической идеей Коккони и Моррисона. Но советский спутник выполнил не только свою инженерную задачу, он коренным образом и за небольшой срок изменил социальную психологию, психологический климат мировой науки, модифицировал массовое сознание. *Он передвинул линию Горизонта*, и перед нами разверзлись совершенно новые ландшафты, обрисовались новые вершины целей и новые пропасти философских проблем...

«Большинство людей привыкло к картине населенной Земли и бесплодного

(если отбросить сказки) космоса как к очевидной норме, признаваемой единственно возможной. Поэтому, собственно говоря, мысль о том, что мы в космосе одиноки, не вызывает у людей впечатления сенсации», – так охарактеризовал Станислав Лем социально-психологический фон проблемы в середине двадцатого века.

После проекта «Озма», представлявшего собой первую разведку, было выполнено еще несколько программ радиоастрономических наблюдений (в нашей стране они велись на полуофициальных началах). Эта практическая работа дала обильный материал для обсуждения методологических, методических, технических задач, возникших перед радиоастрономами. Стало ясно, что новая задача не может быть решена «между делом», попутно с привычными наблюдениями. Сама идея поиска обитателей космоса с помощью радиотелескопов перестала считаться безумной. На ее основе стала развиваться физико-математическая теория межзвездной радиосвязи, был дан толчок философским работам по основам «астросоциологии». Но остальные науки, включая космические исследования с помощью ракетной техники, продолжали развиваться, не пересекаясь, не взаимодействуя с фундаментальной, но всё ещё преждевременной проблемой контактов с внеземными цивилизациями.

Представление о колоссальной удаленности инопланетных обществ считалось очевидным. Признаки деятельности инопланетян в Солнечной системе и тем более на Земле – это абсурд, столь же очевидный, как идея об антиподах, которые, если бы существовали, вынуждены были бы ходить вверх ногами.

Подойдя вплотную к границе Горизонта, за которую вела проблема внеземного разума, «большая наука» не решилась сделать следующий шаг. Сложилась ситуация, известная из старой притчи о некоем монахе, который поклялся, что не войдет в воду, пока не научится плавать. Но открывшаяся «экологическая ниша» в пространстве знания не могла пустовать. Это противоречило законам развития Земного Разума. И в эту нишу двинулись отряды первопроходцев, меньше всего заботившиеся, будет ли считаться их деятельность научной, околонуучной или лженаучной. Нередко им не доставало опыта и грамотного научного руководства. Нередко они принимали желаемое за действительное, нарушали правила уличного движения, принятые в «нормальной науке». Среди них были не только восторженные фантасты, недоучившиеся студенты и инженеры-неудачники. Рискую своей репутацией, партизанскую атаку на Горизонт возглавили профессора и доценты, хорошо знавшие законы и правила научного сообщества. Возникли «невидимые колледжи», вольные научные общества и самостоятельные экспедиции.

Предварительные итоги этой работы уже в 1966 г. подвел американский исследователь Фредерик Ордвей в обзоре, который поместил на своих страницах солидный научный журнал «Анналз оф Нью-Йорк Академи оф Сайенсиз». Обзор назывался «Некоторые проявления внеземного разума». Автор констатировал, что новая наука, не получив еще ни одного бесспорного положительного

результата, уже успела разветвиться на восемь (!) вполне самостоятельных дисциплин, уже накопивших известный багаж. Вот их перечень:

- 1) поиск следов посещений на Земле;
- 2) поиск следов посещений на других планетах Солнечной системы;
- 3) изучение катастрофических явлений на Земле как следствий неудачной посадки визитеров из космоса;
- 4) поиск следов контактов в мифологии, языке, религии;
- 5) исследование неопознанных летающих объектов;
- 6) прием внеземных сигналов искусственного происхождения;
- 7) изучение некоторых феноменов в звездной вселенной, подозреваемых в искусственном происхождении;
- 8) исследование разума человека и высших животных.

Несомненно, что большинство действительных членов уважаемых академий наук убеждены, что большая часть этого перечня к науке никакого отношения не имеет. Может быть, авторы необъективны? Приведем цитаты.

Известный советский физик: «Вести научную дискуссию, где с одной стороны рассматриваются нормальные причины, с другой – привлекается космический корабль, мы не будем. Нормальные методы плохо объясняют тайну этого давно случившегося явления. Этого недостаточно, чтобы привлечь космический корабль».

Английский профессор: «Летающие блюдца? Я разделяю скептическое отношение моих коллег-астрономов к так называемым неопознанным летающим объектам. Мне ещё не приходилось видеть убедительных, подлинных и солидных доказательств их существования. Существование это не доказано, а пока оно не доказано, НЛО принадлежат к миру мифов и легенд».

Советский академик: «В отдельных произведениях он высказывает мысль, что население многочисленных планетных систем, имеющих в разных областях Вселенной, для предотвращения опасности, возникающей от «выхода в тираж» своих солнц, организует своего рода ассоциации или союзы взаимопомощи для содействия переселениям на наиболее подходящие планеты. Тем самым фантазия автора доходит уже до крайних пределов»*.

* В 2003 г. можно раскрыть имена авторов этих анонимных цитат. Текст первой цитаты взят из стенограммы выступления академика Л.А. Арцимовича на совещании Союза журналистов в Москве в феврале 1962 г., посвященном проблеме Тунгусского метеорита. Обсуждался вопрос о научности техногенной гипотезы А.П. Казанцева. Вторая цитата – из книги Джеральда Хокинса «Кроме Стоунхенджа», изданной в Нью-Йорке в 1973, а в Москве в 1977 г. Третья – отрывок из предисловия академика В.Г. Фесенкова к сборнику трудов К.Э. Циолковского «Путь к звездам», изданному в издательстве «Наука» в 1975 г. Идея, которая, по Фесенкову, представляла «крайний предел фантазии», была снова высказана в конце XX в. в связи с анализом легенд догонов, которые в доисторическую эпоху, по-видимому, удостоились содействию в переселении с планеты системы Сириуса на Землю. Научно-популярное изложение этой гипотезы можно прочитать, например, в книге А.И. Войцеховского «Земля – творение разума?» (М., 2001 г., с.302, 307). – В. Журавлев.

Подобный подход к проблеме внеземных цивилизаций типичен для большинства современных ученых. Существование инопланетян – тема не для науки, а для фантастики. Инопланетные цивилизации и связанные с ними явления – это мир мифов и легенд для настоящих ученых, кроме, может быть, радиоастрономов.

В 1967 г. профессор Института физики атмосферы в штате Аризона Джеймс Мак-Дональд не без сарказма писал: «За последние несколько лет стало уважаемым в научном отношении считать аксиомой, что в миллиардах звездных систем, образующих одну только нашу Галактику, жизнь встречается часто и что развитие жизни на многих планетах могло оставить позади достигнутый нами современный уровень цивилизации, культуры и технологии. Об этом теперь можно говорить на любом собрании учёных без всякого риска. Надо только не забывать указывать, что разумная жизнь во Вселенной находится где-то очень далеко от нас, очень не близко к нашей Земле!»

3. На горизонте – пришельцы!

В арсенале проблемы внеземных цивилизаций с 1946 г. числится – с легкой руки А.П. Казанцева – и всем известный Тунгусский метеорит. В перечне Ф. Ордвея, приведенном выше, он законно занимает пункт №3. Конечно, на правах научной гипотезы. В нашу задачу не входит обсуждать здесь законность этой гипотезы и сопоставлять её с другими вариантами объяснений этого феномена. Мы хотели бы лишь обратить внимание на психологический аспект восприятия идеи об искусственной природе Тунгусского тела профессиональными учеными, прежде всего – астрономами, которые изучали Тунгусскую катастрофу, рассматривая ее как падение известного космического тела. Попытки рассмотреть накопленные факты с позиций техногенной, инопланетной гипотезы расценивались только как очевидная нелепость, не заслуживавшая обсуждения.

Любая, сколь угодно сложная модель Тунгусского метеорита, исходящая из его естественной природы, считалась и считается более приемлемой, чем любой намек на его искусственное происхождение. Работы с такими намёками безоговорочно отвергались редакциями научных журналов. В то же время даже самые авторитетные издания охотно публиковали чисто спекулятивные, умозрительные гипотезы, не смущаясь тем, что их авторы постулировали явления и эффекты, никогда не наблюдавшиеся в действительности: тепловой взрыв ледяного метеорита, комета из антивещества, «твердая рыхлая снежинка», и, наконец, пресловутая «черная микродыра». Не очень заботясь о сопоставлении своей конструкции с фактическим материалом, почти каждый из авторов таких моделей поспешно декларировал, что теперь-то, наконец, загадки Тунгусского феномена не существует. Следовательно, гипотеза о его техногенной природе становится излишней. Борьба с «лженаучной идеей» иногда приобретала комический оттенок: идея приравнивалась к вере в нечистую силу.

Сходную психологическую реакцию научный мир обнаружил и в проблеме так называемых неопознанных летающих объектов. Та же эволюция взглядов, что и в истории Тунгусской проблемы, – от высокомерного нежелания вступать в какие бы то ни было обсуждения «этих обывательских сплетен» до нагромождения неестественно сложных моделей, единственной задачей которых является демонстрация естественной природы явления. Сходство с проблемой Тунгусского метеорита усиливается и тем обстоятельством, что если говорить не о накоплении данных, а о разгадке их смысла, то можно сказать, что «воз и ныне там».

Специалистам по социальной психологии предстоит большая работа по выяснению причин подобных аномалий в деятельности мозговых центров нашей планеты. Иногда говорят, что они объясняются благородным стремлением ученых не нарушать психологический комфорт населения, уберечь людей (и, очевидно, самих себя) от страхов перед вторжением пришельцев из космоса.

Однако в наши дни о «летающих тарелках» знают даже первоклассники. Предположение о «скрытом наблюдении» за Землей аппаратами загадочной внеземной цивилизации давно уже не производит шокового впечатления и постепенно приживается в самых рафинированных аудиториях. Широко известно, что данные о неопознанных объектах в небе Земли накапливаются специальными комиссиями, включая комитет ООН, сотнями любительских научных обществ. Результатом этой – уже более чем сорокалетней – деятельности пока что явилась не столько информация о внеземных цивилизациях, сколько портрет нашей собственной цивилизации, совершенно неготовой к встрече с иными мирами. Ясно высветились границы возможностей нашей науки и нашей техники, нашей методологии познания, ее информационных и психологических ресурсов.

«Вызов науке» – так озаглавил свою первую монографию об НЛО один из классиков этой проблемы профессор Жак Валле, имея в виду «загадку галактических кораблей», почему-то не желающих вступать в контакт с жителями Земли. В своих более поздних работах он же пытается толковать сообщения о «видениях очевидцев» как доказательства существования мистического «параллельного мира», из которого неведомые силы воздействуют на психику людей.

На наш взгляд, сам факт наличия сотен тысяч сообщений очевидцев о наблюдениях непонятных явлений или объектов на небе не представляет ничего сверхнеобычного. Как миражи, так и необычные облака, шаровые молнии и летательные аппараты земной или внеземной цивилизации ничего неестественного не представляют и могут с одинаковым успехом изучаться физическими приборами и научными методами. Конечно, в пределах возможностей техники сегодняшнего уровня нашей цивилизации.

Однако 40-летняя история проблемы неопознанных явлений в атмосфере Земли свидетельствует, что наука оказалась не в состоянии разобраться в

странной информации, которая с завидным постоянством поступает не с Альфы Центавра или Тау Кита, а непосредственно от сотен тысяч вполне разумных обитателей нашей собственной планеты. Не потому, что она сложна. Не потому, что она малоинформативна, непрофессиональна, эмоциональна... У гуманитарных наук накоплен богатейший опыт работы именно с такой информацией. Он не используется. Может быть, нужна специальная аппаратура? Да, но она не разрабатывается. Зато немало усилий тратится на словесные доказательства, что никакой проблемы вообще не существует. Высмеиваются и дискредитируются энтузиасты, среди которых есть и профессиональные ученые.

В чем дело? Что происходит? Дело в том, что небольшой процент сообщений очевидцев содержит жемчужное зерно – взрывчатую информацию, действительно представляющую «вызов науке». Она требует от ученых выхода за Горизонт сегодняшнего знания. Как ни удивительно, у типичного ученого наших дней (и у нас, и на Западе) это обстоятельство вызывает не воодушевление, а смесь отвращения и страха. Приведем конкретные примеры.

В 1959 г. американский радиоастроном Дрейк разрабатывал в Национальной обсерватории в Грин Бэнк приемную аппаратуру для наблюдения искусственных инопланетных сигналов. Один из важнейших вопросов – выбор оптимальной частоты приема – был решен лишь с точностью до порядка величины. Анализ космического радиOSHума привел некоторых ученых к заключению, что цивилизация, заинтересованная в передаче радиосигнала «братьям по разуму», должна была бы работать в диапазоне 1000 – 10000 мегагерц. Регулярный поиск в столь широком частотном диапазоне представлял собой исключительно сложную техническую задачу, требующую больших затрат на создание уникальной аппаратуры. Дрейк остановился на частоте излучения межзвездного водорода (1400 мегагерц) просто потому, что конкретных рекомендаций ждать было неоткуда, а аппаратура для этой частоты имелась. Вероятно, можно было бы выбрать и еще несколько вариантов частоты приема, но кто мог бы их подсказать?

За два года до работ Дрейка его соотечественник, офицер военно-воздушного флота США Мак-Клюр, пролетая на самолете В-47 над штатом Миссисипи, обнаружил прямо по курсу неизвестный источник света, «величиной, – как выразился летчик, – с амбар». Источник излучал радиоволны в виде импульсов сверхвысокой частоты, Мак-Клюр с помощью бортовой аппаратуры точно определил параметры радиоизлучения. Частота оказалась равной почти 3000 мегагерц, длительность импульсов – две микросекунды и т.д. Радиопеленгатор, имевшийся на самолете В-47, был не в состоянии запеленговать неизвестный радиопередатчик, что свидетельствовало о его исключительно быстром перемещении.

Природа объекта, как уже догадался проницательный читатель, осталась неизвестной по сей день. Был ли он разновидностью необычной шаровой молнии или чем-то подобным? Не исключено. Галлюцинацией? Вряд ли. Обнаружив

объект, лётчик связался с базой, получил предписание командования преследовать его, занимался этим в течение полутора часов, а Федеральное авиаагентство тем временем очистило район от других самолетов. Объект фиксировался не только локатором самолета, но и другой имевшейся на нем электронной аппаратурой. Кроме того, за ним наблюдали наземные локаторы. Все это мало похоже на галлюцинацию или мираж.

Мог ли объект быть зондом внеземной цивилизации? Почему бы и нет? Частота излучения соответствовала диапазону, выделенному для ожидаемых сигналов внеземных передатчиков, импульсная модуляция была устойчивой, «летающий амбар» сопровождал В-47 и совершал маневры. Летчику нелегко было решить, кто кого преследует или сопровождает.

Теперь произведем мысленный эксперимент. Предположим, что от одного из друзей из военного ведомства Дрэйк узнает об инциденте над штатом Миссисипи, к нему попадает отчет Мак-Клора. Смог бы он воспользоваться содержащейся там информацией для решения важнейшей для него задачи – выбора вероятной частоты приема радиосигналов внеземных цивилизаций? Нет, этого не могло произойти и не произошло на самом деле. Дрэйк и Мак-Клор, будучи, между прочим, современниками и согражданами, были, тем не менее, разделены серьезным барьером – они находились по разные стороны Горизонта: радиоастроном работал с «этой» стороны (которая, как вы помните, еще совсем недавно, до первого спутника, была «той стороной»), тогда как военный летчик имел дело с «потусторонним» объектом «из мира мифов и легенд».

Совершенно очевидно, что, работая в серьезной научной лаборатории, выполняя серьезную тему, уважающий себя ученый не имеет права и не будет, даже в порядке хобби, интересоваться сомнительными слухами о так называемых неопознанных летающих объектах, которые, к тому же, вполне могут оказаться тайным оружием иностранных держав...

Событие, описанное выше, далеко не единично. Известны истории с трагическим концом, но чаще участники ближних встреч отделяются страхом. В мае 1975 г. в окрестностях Баку работала Всесоюзная математическая школа. Один из ее участников, научный работник А., вышел на улицу около 9 часов вечера. Его внимание привлекло яркое светящееся тело, которое медленно двигалось по небу, увеличиваясь в угловых размерах. Сравнявшись с полной Луной, тело двинулось по направлению к очевидцу, который испытал состояние оцепенения, потом упал. «Вся эта громадина прошла через меня. Я почувствовал, что во мне что-то разлилось. Показалось: так кончается мир». Очнулся минут через 15, диск к этому времени исчез. Со стороны диск наблюдали еще четыре очевидца, также испытывавшие чувство страха.

Описание психического состояния очевидца А. близко к описанию случая, имевшего место, по утверждению инженера Х., в Новосибирской области в октябре 1958 г. «Меня как бы согнуло, я окаменел, стоять было невозможно, я со стоном упал на траву, товарищ тоже упал. Тело было сведено судорогой, как

бы парализовано... Было страшно», – так описывал свое состояние очевидец. Причиной необычных ощущений был странный объект, который «больше всего походил на опрокинутую глубокую тарелку. Ощущалась вогнутость нижней поверхности, которая светилась. В центре было ярко светящееся пятно или шар, свечение борта было значительно слабее. Светящийся шар в центре «тарелки» испускал четко очерченный луч». Очевидцы попали в конус этого луча, испытав описанные выше ощущения, напоминаящие электрошок. Происшествие продолжалось минуты три и окончилось без последствий.

Разумеется, и по эту сторону океана серьезная наука не обратила ни малейшего внимания на описанные феномены, списав их по ведомству безответственных слухов. В этом, вообще говоря, не было ничего нового – к слухам относили рассказы о встречах со «снежным человеком», об излечении наложением рук, о камнях, падавших с неба, наблюдения о связи фаз Луны со здоровьем...

Мы привели три примера сообщений о встречах с весьма различными объектами. Общим у них является, пожалуй, прежде всего, их необычность. Тем не менее все подобные случаи объединяют термином НЛО, косвенно признавая их право быть предметом обсуждения.

Анализируя тысячи накопившихся за последние 40 лет наблюдений такого рода, нетрудно заметить одну очень важную их особенность: среди них трудно найти два достаточно сходных. Совпадение всех деталей – скорее исключение, чем правило. Так, в рассмотренных случаях в Баку и в Сибири близкими оказываются психические состояния очевидцев – оцепенение, страх, состояние психического шока, тогда как другие детали инцидентов совершенно не сходны. Наоборот, имеются сообщения, когда визуально сходные объекты, описываемые, например, как «светящиеся шары», в одних случаях оказывали сильнейшее психическое действие на наблюдателей, в других – были совершенно безобидны.

В приведенном выше случае с американским лётчиком маневрирование светящегося объекта вокруг самолета в течение полутора часов не оказывало влияния на работу бортовой радиоаппаратуры, в то же время накопилось много аналогичных сообщений, согласно которым при сближении самолетов с непонятными светящимися дисками мгновенно отказывало все электронное оборудование, имевшееся в распоряжении пилотов.

Пестрота данных, невозпроизводимость феноменов даже в существенных деталях, непредсказуемость появлений, крайне мизерный объем объективной информации, тоже достаточно противоречивой, – эти и другие доказательства «второсортности» проблемы НЛО не следует ли на самом деле рассмотреть как свидетельства нашей неспособности – и нежелания научиться – работать с такой информацией, с так устроенными фактами, с так организованными элементами материального мира?

4. Проблемы пределов знания

Список проблем, связанных с проникновением за линию Горизонта, достаточно обширен и не исчерпывается космической тематикой. В энциклопедический словарь Академии Пределов Знания должны войти такие термины, как, например, антибиотики и ангел-эхо, Атлантида и аура, гомункулус и демон Максвелла, лазер и левитация, мировой эфир и мнимая единица, наскальные рисунки кроманьонцев и телекинез, парадокс близнецов и эффект Кирлиан. Приведенный список можно было бы без труда продолжить – как в прошлое, так и в будущее. Но чем внимательнее мы вглядываемся в него, тем очевиднее и удивительней становится факт: история науки не очень усердно хранит опыт своих неудач!

Почему-то (неужели из-за полной ненадобности?) почти не издаются книги с названием «Великие заблуждения» в физике, астрономии, философии, политике... В силу не вполне понятных причин наука упорно не хочет учиться на своих так называемых ошибках – заблуждениях, смещениях акцентов, уродливого, гипертрофированного развития одних направлений и нищенского существования других, стихийности в развитии и т.д. Ошибки науки должным образом не систематизируются, их дидактические возможности осваиваются совершенно недостаточно, не существует методологии их анализа. Между тем история и анатомия заблуждений, порождающие их механизмы – все это могло бы стать предметом интересного и в высшей степени поучительного исследования. Отсутствие соответствующих фундаментальных разработок свидетельствует о пренебрежении наукой некоторой, весьма значительной, частью своего багажа. Между тем, жизнь идет. Смена поколений стирает накапливающийся психологический опыт. Общественное мнение группируется вокруг новых стереотипов, недавно считавшихся абсолютной ересью. Опыт психологического преодоления барьеров не накапливается, ошибки «списываются».

Пережив за последние 400 – 500 лет не один десяток потрясений, человечество, как ни странно, не приобрело иммунитета к постулату «необычное – значит, ложное». Вместе с ростом темпов обновления научной идеологии возрастает и мощь сопротивления новому, следовательно, имеется необходимость изучения этого явления с целью выявить общие закономерности и дать рекомендации по минимизации потерь. Хотелось бы надеяться, что в таком процессе, как разрушение прошлых истин, имеется некоторая закономерность и, следовательно, объективно необходима и возможна наука о пределах знания. Процессы, происходящие на краю Ойкумены, заслушивают самого внимательного изучения. Такая наука, или точнее говоря, «метатеория», должна быть свободна от догм, должна иметь широкую логическую базу. По нашему убеждению, только на основе такой теории возможно обсуждение закономерностей движения Горизонта, поскольку средства не должны быть более рациональными, чем предмет, который изучается с их помощью.

Имеется ли объективная общественная потребность во взгляде на сегодняшний день и современную ему науку «из завтрашнего дня»? Нужно ли «заглядывать за Горизонт»? Нет ли тут схоластики? Позвольте, скажете вы, – а футурология, научная прогностика, долгосрочное планирование, экспертные системы? Научная фантастика, наконец? Разве не занимаются они денно и нощно разработкой моделей будущего, в том числе и с целью посмотреть на наше сегодня с вершин этих моделей? К сожалению, в большинстве этих моделей имеется органический порок: они не учитывают краевых эффектов, в них отсутствует, выражаясь языком известных советских фантастов, «запах серы»...

Разумеется, любые предельные прогнозы имеют свои издержки. Их практически невозможно проверить, их ценность для современников сомнительна, могут возникать прогнозы, неприемлемые идеологически, т.е. противоречащие представлениям об определяющих тенденциях истории. Однако – и мы хотели бы быть понятыми – метод изучения прошлого и настоящего из будущего как самостоятельный методологический прием освоен совершенно недостаточно. Одна из возможных причин этого – наша неосведомленность в закономерностях процессов на краю Ойкумены.

Для использования предельного прогноза нужно построить тот или иной вариант модели будущего. Эти модели могут существенно различаться в зависимости от того, как мы представляем себе структуру мира «по ту сторону». Можно, например, считать, что за чертой сегодняшнего знания действуют в основном те же законы и тенденции, что и «по эту сторону» (принцип экстраполяции). Можно допустить, что некоторые явления будут существенно отличаться от того, что мы знаем сегодня, так как будут открыты новые законы природы.

Анализ некоторых проблем может потребовать и еще более смелых исходных постулатов. «По ту сторону» могут действовать не только иные законы природы, но и существенно иная логика, другие критерии истины, другие соотношения между веществом, энергией и информацией. Меняются представления о «здоровом смысле», оказывается бессильной современная аппаратура. Нужно быть готовым и к анализу таких ситуаций, для которых правильное всего исходить из допущения, что мы не располагаем и в принципе не можем располагать никакими данными об устройстве мира за чертой Горизонта. Несмотря на столь непривычные условия, научный анализ и вероятностный прогноз возможны и в таких случаях. Например, путем изучения «возможных» миров-вселенных, в которых законы природы существенно отличаются от известных нам, в которых действуют свои правила логики. Было бы недальновидным заранее объявлять, что подобные исследования всегда будут носить лишь характер интеллектуальной игры. Не нужно забывать, что существующий физический мир (подобно биологическому миру) сформировался в результате длительного естественного отбора. Можно предполагать, что отбор проходили не только материальные конфигурации, но и сами законы природы, в результате чего сложилась изучаемая современной наукой картина материального мира.

Универсализм законов мира – бесспорно, одна из самых волнующих загадок природы.

Нетрудно видеть, что скорость движения Горизонта науки для различных школ, дисциплин, различных этапов прогресса существенно различна: то, что для одних – едва различимая в тумане линия познания, для других – позавчерашний день, страсти которого давно улеглись и о проблемах которого знают лишь историки науки; концептуальный рубеж, давно осознанный и освоенный одними, представляется невообразимо далёким для других. Эта ситуация делает исключительно сложной и деликатной задачу обмена знаниями, выравнивания Горизонта.

Уместно поставить вопрос: почему именно сегодня стали столь актуальными проблемы пограничного знания? Тому есть несколько причин, и не в последнюю очередь – фантастически возросшая стоимость научной деятельности для общества. Правильный выбор направления, использование перспективной, «краевой» идеи – это огромный материальный выигрыш, а ошибка (какими бы причинами она ни определялась), – столь же огромная потеря. К черте Горизонта подходят ряд научных и технических направлений, чье прямое или опосредствованное давление на природные системы возросло к настоящему времени настолько, что стало возможным появление совершенно непредвидимых эффектов, некоторые из которых могут иметь роковые последствия. Для решения глобальных проблем современности активно привлекаются научные дисциплины, опыт взаимодействия которых практически отсутствует. Возникающие при этом коллизии напоминают «краевые» ситуации, характерные для зоны Горизонта. Синтез научных знаний потребовал определённого пересмотра сложившихся концепций, разрушения стереотипов, формирования новых истин, преодоления психологических и иных барьеров, хорошего понимания «горизонтов» друг друга.

Имеется ли сегодня рецепт, позволяющий прогнозировать перспективу того или иного конкретного научного направления? Каким путем можно определить, разовьется ли обнаруженное направление в новую «очевидную» картину мира (или его фрагментов) или ему суждено засохнуть, подобно отжившей ветви здорового дерева? Имеется ли здесь общий принцип, который служил бы ориентиром? Даже самый поверхностный обзор опубликованного на эту тему свидетельствует о существовании трех точек зрения, те или иные модификации которых обнаруживаются в любой работе, посвященной прогнозам науки.

Первую точку зрения можно охарактеризовать формулой: «Такой принцип есть, и он мне известен»! Сторонники этой позиции полагают, что в их распоряжении имеется некий детектор лжи, с помощью которого они без труда в любой конкретной ситуации могут различить науку и лженауку.

Вторая точка зрения состоит в том, что такого принципа нет и быть не может. Невозможно, говорят такие специалисты, заранее определить перспективы той или иной теории. Ее судьба сложится в зависимости от многих конкретных

обстоятельств, предвидеть которые крайне затруднительно. Мы не пророки.

Третья точка зрения настаивает на существовании объективных критериев отличия «науки и лженауки», которые, однако, нам *неизвестны*. Необходимо, утверждают сторонники такой концепции, развивать и оттачивать методы прогноза, критерии выявления кризисных ситуаций в науке, используя весь исторический опыт ее развития, искать эвристические приёмы, позволяющие, *не пересекая еще линии Горизонта*, высветлить «на той стороне» продолжение сегодняшних тенденций. **На линии горизонта наука работать может, но этому ей нужно научиться.**

Только с осознанием этого вывода появляются действительно научные коллективы первопроходцев Горизонта. Их объединение рано или поздно становится неизбежным. И это уже происходит. Так рождается «*Академия Пределов Знания*». Противопоставлять ее «нормальной Академии наук» столь же несерьёзно, как доказывать «неполноценность» армейской разведки по сравнению с регулярными частями той же армии. Что можно сказать о стратеге, который не видит различий между ними в целях, методах, результатах и заявляет, что разведка не нужна?

5. Внимание: по курсу – Горизонт!

Анализ реальной научной практики свидетельствует, что имеются, по-видимому, определенные ориентиры, диагностические признаки, позволяющие с известной долей уверенности выявить выход к Горизонту конкретного научного направления. Сегодня можно говорить о некоторых внешних, легко различимых признаках – индикаторах «краевой ситуации» в науке. Приводимый ниже перечень не претендует на полноту, однако упоминаемые в нём явления, по-видимому, могут служить ориентирами при выделении конкретного участка безмерно широкого фронта науки, на котором следует ожидать существенной модификации привычных стереотипов. К числу подобных индикаторов, на наш взгляд, относятся (не в порядке важности):

- Терминологический бум, интенсификация межнаучного обмена понятиями, неожиданное расширение значения многих специальных, казалось бы, терминов. Введение в оборот неологизмов.

- Межведомственная и межнаучная миграция специалистов: обширные группы ученых вдруг покидают свои насиженные места и устремляются в новые обнаружившиеся экологические ниши. Как правило, работа на новой территории не сулит им быстрых успехов, и ведущим стимулом обычно служит аромат истины.

- Расширение концептуального базиса: то, что вчера казалось алогичным, недопустимым для рационального анализа, сегодня переходит в разряд обсуждаемых (хотя, может быть, и весьма экзотических) проблем, снимается табу с обсуждения ряда вопросов, ранее называемых «сакраментальными». В эпоху намечающегося пересечения Горизонта оказывается доступным для обсуждения более широкое поле проблем, чем в период стационарного развития науки.

- Обострение общемировоззренческой, философской проблематики. Области науки, вышедшие на линию Горизонта, активно обращаются к методологическим вопросам, интенсифицируются процессы самопознания, усиливаются морально-этические, целевые акценты. Обнаруживается явление, называемое гуманизацией научного знания – интерес к проблеме человека, его предназначениям, идеалам, перспективам.

- Вовлечение широкой общественности в обсуждение, казалось бы, сугубо специальных проблем, усиление темы науки в искусстве, внимание к психологии научного познания.

- Расширение эвристических подходов, повышение роли мысленного эксперимента, генерация моделей изучаемого объекта. Повышенный интерес ученых к так называемым интеллектуальным играм, пародиям, розыгрышам, а также к произведениям абстрактного искусства.

Таков, в общих чертах, портрет кризисной ситуации, разрешение которой может закончиться (а может, разумеется, и не закончиться) пересечением линии Горизонта и выходом на новые обширные пространства. Как нам вести себя в данной ситуации? Как жить дальше? Какими критериями мы можем вооружиться на этом пути? *Имеем ли мы право* предоставлять новую идею, сколь необычной она бы ни казалась, пресловутому «суду времени»? Ведь, как правило, он выносит свой приговор не раньше, чем через пару-другую десятилетий, а то и столетий. Не правильней бы было научиться выявлять зародыши перспективных направлений уже сегодня, при жизни, так сказать, автора?

В журналах иногда публикуются рецепты, с помощью которых, как считают их авторы, можно диагностировать заведомую лженауку, выявить приметы лжетеории и лжеученого. К ним, в частности, относятся:

- радикальный, всеобъемлющий характер ожидаемой перестройки научного мировоззрения (если только общественность примет предлагаемую автором систему взглядов);

- автор не является специалистом в данной области, у него нет других публикаций на данную маниакально рекламируемую тему, а иногда отсутствуют публикации и на какие-либо другие темы;

- отмечаются указания на подвижнический, многолетний характер изысканий, абсолютное бескорыстие и личную честность автора;

- изобилие ссылок на малоавторитетные источники, в том числе на сообщения частных лиц, непроверенные слухи.

Конечно, для настоящего научного открытия подобные признаки не характерны. Зато, как подчеркивают ученые, действительно ценный для науки результат, как правило, отвечает таким требованиям, как воспроизводимость, соответствие известным законам природы, простота и изящество описания, принадлежность к существующим научным дисциплинам.

Если применить эти критерии к проблеме неопознанных летающих объектов, то мы должны сделать вывод, что она принадлежит к типичным

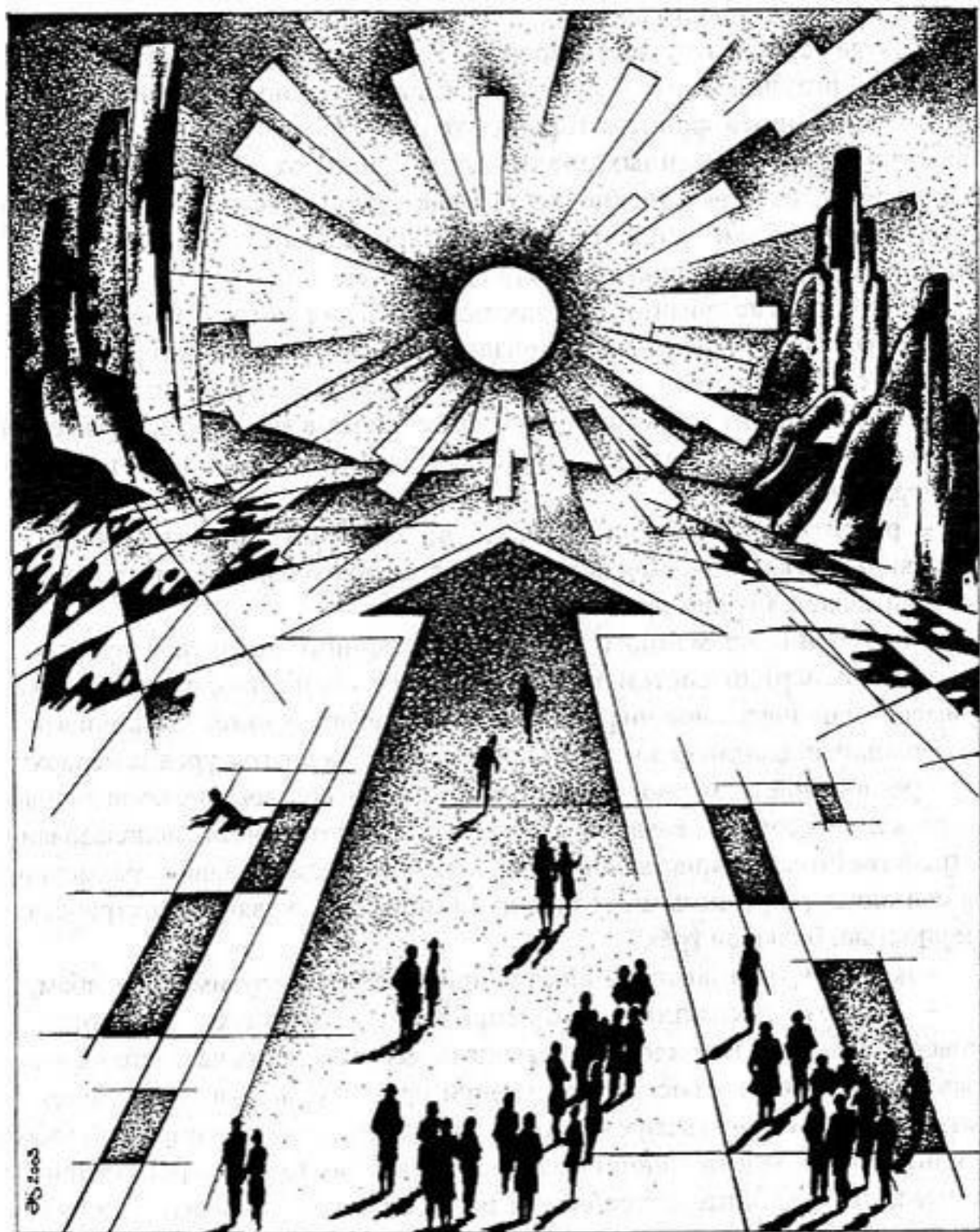
лжепроблемам, а занимающиеся ею лица – к лжеученым. Действительно, факт признания присутствия на Земле инопланетных аппаратов коренным образом меняет нашу модель мира, модель истории человечества. Философские, биологические, социальные последствия этого были бы грандиозны и непредсказуемы; изучением НЛО занимаются неспециалисты (профессиональных уфологов не существует), работа носит поистине подвижнический характер, связана со сложными субъективными компонентами, экспрессиями и комплексами. Проблема не вписывается в рамки известных научных дисциплин, явления, порождающие сообщения очевидцев, невоспроизводимы. Если все детали этих сообщений верны, то приходится делать вывод о нарушении некоторых законов механики и оптики. Просуществовав несколько десятилетий, проблема НЛО до сих пор воспринимается инородным телом в организме науки, где-то в одном ряду с магнитобиологией и ясновидением.

Критерий «инородности» заслуживает более подробного обсуждения. По-видимому, существует некоторый объективный механизм, который отторгает направления науки, не соответствующие определенному стандарту. Имеет место глубокая, не всегда различимая, но вполне реальная взаимная сопряженность различных отраслей науки – своего рода экологическая самосогласованность.

Как и в природе, здесь возможно возникновение мутантов с широким диапазоном изменчивости признаков, однако дальнейшее существование могут обеспечить себе «особи» (теории, гипотезы, школы), способные функционировать в данной экологической нише. Открытия, не отвечающие требованиям сопряженности, – это летальные мутанты, судьба которых предрешена...

Одной из вечных философских проблем, активизация которой неизбежна при изысканиях на линии Горизонта, является проблема материи и духа, объективного и субъективного, материи и информации. Философские рекомендации приобретают здесь особую ценность, их эвристическая роль оказывается решающей. Проблема критериев различия между материальным объектом и его моделью обостряется при изучении феноменов, фактическая основа которых неясна, как это, в частности, происходит при изучении НЛО. Исследователи в этом случае имеют дело не с реальными предметами, а с их информационными моделями в форме часто невразумительных и очень эмоциональных сообщений. Отметим, что работа с любыми информационными моделями требует специальных знаний не только в области прикладной математики, но и в области социальной психологии.

Необходимость разработки особых методов анализа «сомнительной информации», координации разных наук, энциклопедического кругозора отталкивает «нормальных ученых» от подобных проблем. Они прекрасно понимают, как трудно получить действительно ценный научный результат даже в узкоспециальной области современного знания.

С другой стороны, многие энтузиасты, считающие скучной нормальную науку, ищущие острых ощущений и «великих открытий» в поисках летающих тарелок и снежного человека, в телепатии и ясновидении и т.п., часто даже не подозревают о том, что идут в экспедицию на Эверест не только без рюкзака и ледоруба, но иногда просто босиком.

Откуда берутся энтузиасты проблем Горизонта? Очень часто это люди с обостренной интуицией, которая шлет сигналы об опасности для человечества оставлять оголенный фронт в горячих точках линии Горизонта. Понимая ограниченность собственных знаний, они обвиняют «большую науку» в консерватизме, безответственности, и даже бесчестности, тогда как узкий специалист глубоко убежден в безнравственности околонучного фантазирования, считая энциклопедизм скорее помехой.

И те и другие обычно не задумываются над историческим опытом поколений ученых, решавших краевые задачи своего времени, в которых нередко возникали сходные проблемы. Какие же конкретные алгоритмы активного движения за Горизонт имеются в настоящее время в нашем распоряжении? История науки свидетельствует, что весьма эффективными являются такие, например, приемы, как:

- решительная смена постулата, кажущегося незыблемым и самоочевидным (классическая история с постулатом о параллельных линиях в геометрии является ярким примером);

- изменение временного и пространственного масштаба проблемы, переход по иерархии систем может оказаться очень плодотворным, как, например, индивидуальное инфекционное заболевание может быть понято на основе знаний эпидемиологического процесса, т.е. на другом уровне иерархии;

- расширение размерности пространства или использование неевклидовых пространств; так совсем недавно была показана плодотворность использования пространства Римана в кристаллографии, некоторые задачи нашего трехмерного мира оказались разрешимыми только при условии «выхода» в пространства с размерностью, большей трёх;

- экстраполяция закономерностей при переходе к другим масштабам;

- синтез дисциплин, формирование сложных, а иногда и противоестественных гибридов как реакция на неспособность частного научного направления решить вопрос, интересующий практику; в таких экспериментах испытывается способность наук к синтезу, а научных школ – к совместной работе над вопросом, представляющимся партнерам равно бесперспективным; испытываются реальные способности исследователей проявить плюрализм мышления.

На пути синтеза различных научных дисциплин нередки своеобразные психологические трудности. Еще недавно ученый, рискнувший заявить, что древневавилонская клинопись, статуя Зевса, пьеса Шекспира, магнитофонная запись рок-концерта, писк комара, бюрократический документ, луч света от далекой

звезды, зафиксированный телескопом, – все это явления одного ряда, и могут изучаться просто как частные экземпляры единого сущего, мог бы просто прослыть безумцем. Между тем изучение перечисленных явлений в едином контексте возможно, такая наука существует. Разумеется, вы поняли, что речь идет о семиотике. Не исключено, что многие явления, представляющиеся сегодня непонятными и труднообъяснимыми, будут включены в структуру планомерных научных исследований не раньше, чем будет угадана или сконструирована та теоретическая база, с которой разрозненные и странные данные окажутся элементами пока неведомой нам системы. Как правило, такие удачи становятся важными событиями в науке, открывая самые неожиданные возможности и для практики.

Проблема параллельных линий не могла быть разрешена в рамках простодушной евклидовой геометрии. Потребовались гениальные ученые – Лобачевский, Больяи, Гаусс, чтобы человеческий разум смог совершить рейд в неевклидовы геометрии – один из самых дерзких рейдов за Горизонт. Пятый постулат оказался окном в новый геометрический мир, так сказать, «сигналом инопланетного разума». Точно так же, например, простое уравнение

$$x^2 + 1 = 0$$

явилось окном в мир комплексных чисел, ибо решение его в классе «нормальных», действительных чисел оказалось невозможным.

А ведь были времена, когда за попытку извлечь квадратный корень из минус единицы свободно можно было лишиться кафедры.

Безвозвратной потерей времени и сил была попытка решить проблему Тунгусского метеорита в рамках представлений классической метеоритики, исключавшей надземный взрыв твердого космического тела. Потребовались десятилетия, чтобы осуществить здесь выход на Горизонт – признать возможность взрыва в атмосфере. В 80-е гг. проблема Тунгусского метеорита пережила нелегкий процесс нового расширения класса допустимых событий – принципиальное признание возможности небаллистической траектории. Окном за Горизонт при этом стал факт одновременного наблюдения болида на обширной территории. Во многих трудных проблемах уже сейчас существуют подобные окна. Но исследователи проходят мимо...

У законченной картины мира, попытки построения которой предпринимались неоднократно, в том числе и на нашей памяти, есть одно коварное свойство – подобно комнате с зеркальными стенами, она создает впечатление всепроникновения, абсолюта, ясности; возникает иллюзия, что достижима любая истина, любая территория знания, что дело только в технике, в безграничной и безудержной экстраполяции законов, кажущихся столь очевидными.

Заглянем вовнутрь и посмотрим, чем занимаются обитатели этой комнаты. Мы увидим физиков, изучающих свойства мира всё более совершенными методами и на глазах расширяющих область познания, математиков,

совершенствующих методы обработки данных наблюдений, астрономов, устремляющих свою аппаратуру ко все более отдаленным объектам пространства, философов, убежденных в принципиальной познаваемости мира и получающих от физиков и астрономов систематические подтверждения этой концепции, фантастов, рисующих картины немыслимо далекого «прекрасного будущего»... Надежно устроен этот лучший из миров – еще усилие, и человеку раскроются самые сокровенные тайны природы.

Теперь представим себе, что на одной из стен комнаты нарушена зеркальная поверхность так, что, приблизив глаз к образовавшемуся отверстию, можно увидеть нечто необычное, совершенно несообразное имеющемуся опыту, здравому смыслу, самым широким обобщениям, самым дерзким прогнозам. Наиболее проницательные из обитателей комнаты начинают догадываться, что за ее пределами существуют пространства, о которых мы до настоящего времени не имели ни малейшего представления. Однако нет недостатка и в рациональных советах по поводу обнаруженного дефекта в гармонической картине мира.

В частности, предлагают: замазать пятно краской; считать обнаруженный эффект иллюзией, а лиц, утверждающих, что они видят зазеркальные пространства, – умалишенными или лгунами; поставить вооруженную охрану с тем, чтобы никому неповадно было заглядывать в отверстие; наконец, объяснить эффект с позиций современной науки. Возникают новые религиозные течения, самодеятельные общества, проходят диспуты и митинги. Кое-кто допускает даже возможность существования неизвестных нам явлений природы...

6. Стратегия против стратегии

Большинство проблем Горизонта – это лжепроблемы, выдумки людей, не получивших должного специального образования, но склонных к беспочвенным умствованиям и околонуточным авантюрам. Картина мира сложилась, и противоречащие ей сообщения заведомо не стоят времени, необходимого для их проверки. Логика «нигилистов» (назовем так эту категорию людей) незыблема. «Земля – центр мироздания. Человечество одиноко во Вселенной. Телепатии не существует. Сумма углов треугольника равна двум прямым. Аппарат тяжелее воздуха никогда не будет летать. Вечный двигатель невозможен»...

«Ну, а если предположить, – возражают их оппоненты, – что два или десять сообщений об НЛО из наличного полумиллиона, скопившегося за последние десятилетия не очень тщательных опросов, и в самом деле есть свидетельство межгалактической инженерной деятельности? Что сверхсветовые скорости все-таки возможны? Что Тунгусский метеорит был неизвестным науке космическим телом? Что геофизические аномалии, как это ни странно, могут быть обнаружены каким-то прутиком?»

«Предположить можно все, что угодно, – отвечают нигилисты. – А вот

должна ли наука этим сегодня заниматься – большой вопрос. Появится новый Джордано Бруно, Норберт Винер или Мария Кюри – там и посмотрим. А пока будем жить, как будто бы никаких НЛО и прочих завихрений не существует. Ведь жили же без лазеров, телекинеза и разных ЭВМ, ДНК и НТР. Истина должна пробивать себе дорогу. Это лучше, чем открыть ворота сомнительным проблемам».

Постулат нигилистов об истине, которая должна пробивать себе дорогу, многим представляется даже сейчас убедительным. Иногда его разделяют даже изобретатели-неудачники, которым никак не удается подарить государству миллионы рублей доходов. Мало кто видит, что эта точка зрения может быть опасной.

Другую стратегию предлагают «реалисты». «Надо, – говорят они, – но рано. Преждевременно. Будем реалистами, оставим космос и так называемую внутриатомную энергию потомкам. Фантазии о полетах на Марс неуместны в эпоху керосиновых горелок. Будем заниматься насущными, актуальными задачами». Лучший комментарий к стратегии «реалистов» – история последних пятидесяти лет.

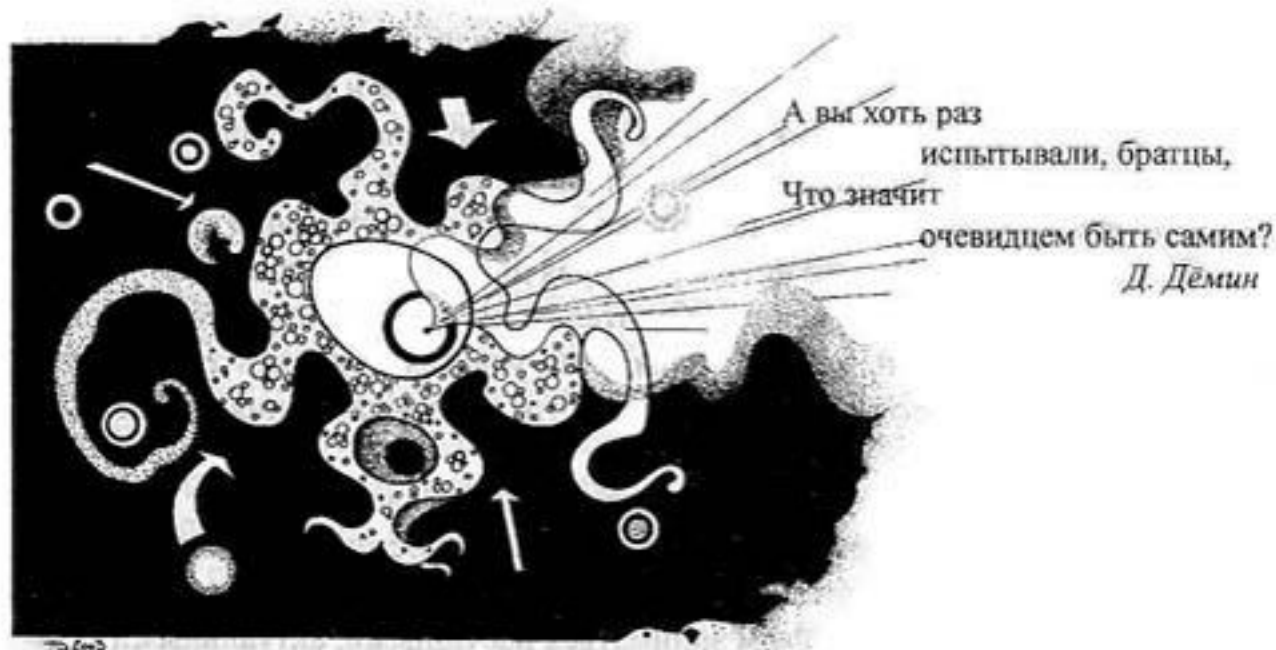
В основе подобной стратегии лежит ошибочное, устаревшее представление о смысле научной деятельности. Преувеличивается такая функция науки, как создание фундамента для технологии, техники, транспорта. Время, отпущенное на прогресс науки и техники, видится бесконечным, а метод проб и ошибок – единственно возможным. Не только рядовые исследователи, но и стратеги науки не ощущают реально существующую ответственность за направление и темпы процесса познания.

Исторический опыт человечества властно требует новой стратегии развития науки. Ее предстоит еще выработать. Но некоторые ее черты почти очевидны. Не боязнь ошибок, а опасение просмотреть вызревающее открытие. Внимание к Горизонту, переднему краю познания. Повышенный интерес к задачам и явлениям, которые вытекают не из логики развития научной дисциплины, а появляются из жизни, вопреки этой логике. Не беспечная уверенность в том, что весь Космос – арена для экспериментов Человечества, а осторожная, ответственная, тщательная разведка любых, даже сомнительных, намеков на присутствие возможных «гостей», «конкурентов», а, может быть, и «хозяев».

За романтические представления о том, что наука существует для удовлетворения любопытства и создания комфорта, человечество может дорого заплатить. Ибо на самом деле наука – единственное средство выжить в огромном, сложном, опасном, вечно изменяющемся Мире.

Еще совсем недавно даже лучшие умы считали, что «пока еще хватает времени и огня». То, что эти ресурсы на самом деле ограничены, накладывает огромную ответственность на сегодняшних идеологов и капитанов научного корабля. От их искусства вести этот корабль к Горизонту зависит, в конечном счете, судьба человечества, смысл его трудов и жертв.

Август 1980 г.

ЭКИПАЖИ УФО – ПОКАЗАНИЯ ОЧЕВИДЦА

В сборнике стихов «Мир проходящему» напечатано стихотворение Дмитрия Дёмина «Экипажи УФО».

Даже многим его друзьям оно кажется странным или «странноватым». Пожалуй, во всем сборнике это самое сложное, «модернистское» произведение. «Сторонние читатели» только пожимают плечами – непонятно, претенциозно... Может быть, такой юмор? Но над чем тут смеяться? «Набор случайных слов, это не стихи», – пренебрежительно-высокомерно оценил это маленькое стихотворение (два четверостишия) молодой историк Новосибирского университета, любитель «нормальной поэзии», труженик нормальной науки. Пока ещё мало известно разделение науки на две части – нормальную и горизонтную. Первый термин ввел Томас Кун (его всемирно известная книга «Структура научных революций» – теперь уже классика науковедения). Автор второго термина неизвестен. Возможно, одним из первых его использовал Владимир Рубцов, кандидат философских наук, участвовавший в постановке научно-популярного кинофильма Киевской киностудии «Семь шагов за Горизонт». Конечно, название фильма – это метафора. Наука у Горизонта знания, на Горизонте знания, за Горизонтом знания – эти проблемы интересовали Дмитрия Дёмина и некоторых его друзей не только в часы отдыха от «нормальных исследований». Работая в основном на территории нормальной науки, Дёмин пристально следил за развитием событий на научном Горизонте и сделал серьезный, пока не оцененный вклад в наведение мостов над пропастью, разделяющей до сих пор эти виртуальные страны. Вместе с автором настоящей статьи в конце 70-х гг. он написал популярный очерк «Там, за горизонтом», где была сделана попытка рассказать о проблемах Горизонта науки широкому кругу студентов и ученых, опираясь на собственный опыт работы в этой области.

Поскольку в те годы такая статья не могла появиться без положительной рецензии авторитетов нормальной науки, некоторые факты, а также намерения авторов кое-где излагались эзоповым языком. Ведь было время, когда термин НЛО (неопознанный летающий объект, по-английски – УФО) Главлит не рекомендовал использовать даже в научной фантастике, как лженаучный. Несмотря на ухищрения авторов (Дмитрий Дёмин и Виктор Журавлев) статью напечатать тогда не удалось. Спустя десяток лет казалось, что она может представить некоторый интерес лишь для историков науки.

Впрочем, уже примерно за месяц до смерти Дмитрий спорил со мной, приводя разные неожиданные доводы за то, что после небольшой переработки статья могла бы представлять интерес для научной общественности и в конце XX века. По предложению Дёмина (в нем всегда вместе с исследователем жил и поэт), статья сопровождалась неопределенно-загадочным эпиграфом – строчками известной тогда эстрадной песенки «Там, за горизонтом».

Проблема Тунгусского метеорита, которой отдали оба автора лучшую часть своей жизни, также не исключала подходов с позиций горизонтной науки. Хотя существование космических цивилизаций не отвергалось при философском анализе проблем Большого Космоса, рассматривать с точки зрения возможной катастрофы объекта инопланетной техники реальные следы Тунгусского космического тела, превратившегося в газы и пыль, считалось нереспектабельным. Тем интереснее было разрабатывать конкретные научные методы декодирования этих следов через полвека после события и пытаться завлечь в эту деятельность талантливую научную молодежь.

На фоне таких вот декораций и был написан иронически-многозначительный текст «Экипажи УФО». Дёмин вручил его и реалистическое уфологическое стихотворение «Этиод» некоторым своим друзьям как подарки ко дню рождения. Стихи легко могли затеряться, но друзья сумели сохранить их в хаосе житейских будней.

В самом конце своей жизни, в 1996 г., Дмитрий Дёмин сумел родившееся у него поэтическое прозрение картины бушующего пламени плазменных струй, вырывающихся из жерла иноземного космического аппарата, преобразовать в научный расчет. Разработанный им комплекс компьютерных программ выявил в каталоге вывала леса – главного следа Тунгусской катастрофы, регулярные лучи, валившие деревья до основного взрыва. За 20 дней до смерти он продиктовал тезисы статьи, в которой схематично описывал эскиз многоструйного инопланетного аппарата, жерла которого были источниками «лучистой ударной волны», описанной в 1949 г. Е.Л. Криновым по личным наблюдениям вывала и впечатлениям Л.А. Кулика.

КОД ЭКИПАЖЕЙ ГОРИЗОНТА*

У тех исследователей, которых судьба наградила странным счастьем работы над проблемами научного Горизонта, в стихотворении «Экипажи УФО» каждая строчка вызывает интуитивные ассоциации с этой работой. И рождается чувство восхищения – как много можно сказать в восьми строчках! Конечно, не стоит обижаться на непосвященных – понятно, что для них это – абракадабра, набор непонятных слов и утверждений. Но более проницательные и немного осведомлённые об упомянутых материях читатели догадываются, что перед ними какой-то код. В целом текст волнует, скорее даже раздражает явно стоящей за ним тайной. Уже в самом названии – какая-то нестыковка – «Экипажи неопознанных летающих объектов» – а в стихах нет даже намека на марсиан или «зелёных человечков» с летающей тарелки.

Нужно ли разрушать очарование тайны? У авторов этой статьи были на этот счет сомнения. Но мы решились. Ведь всё равно кто-то попытается это сделать. Толкования могут быть ложными, субъективными или даже клеветническими. Пусть уж первый шаг сделают «очевидцы». Может быть, другие увидят в этих стихах и что-то другое, что нам и не снилось. Мы не возражаем!

Анализ стихотворения Дмитрия Демина «Экипажи УФО» мы решили провести в два этапа. Первый – раскодирование реальных событий, тем и ситуаций, которые явились толчком для поэтических обобщений. Разумеется, мысль автора не «объясняется» этими реалиями, они – обычно лишь повод возникновения образа, слова, новой мысли. Но когда их знаешь, стихотворение кажется «понятнее». Иногда их знать вредно.

Второй – литературно-философское истолкование, принадлежащее, конечно, не поэту, а «литературоведам», которые вталкивают свободный полет интуиции поэта в логический каркас или связывают мысли поэта с новыми художественными и философскими образами. Вокруг всех значительных произведений искусства такая работа ведется непременно, так что спрашивать – нужно ли это? – бесполезно. Проще присоединиться к этой работе по мере своих сил.

Откуда это?

Давайте исключим сомнамбулизм.

Сомнамбулизм (лунатизм) здесь – символ безумия. Ученые, изучающие НЛО, полтергейст, контакты с параллельными мирами и т.п., должны верить, что свидетельства о них – не бред безумцев. Или говоря несколькими другими словами – сами должны быть немного безумцами, или как минимум – фантастами.

* Стихи «Экипажи УФО» напечатаны на второй странице обложки.

Святую ложь активного полета.

Намек на идею об искусственной, техногенной природе Тунгусского метеорита. Тунгусский болид, который видело около тысячи очевидцев, был не пассивным падением глыбы из космоса, а маневрирующим управляемым аппаратом. Именно эта идея, ложная с точки зрения нормальной науки, двинула сотни энтузиастов в эвенкийские таежные дебри, изменила жизнь многих из них, принесла новое понимание смысла жизни и счастья, сдвинула науку туда, куда она и не собиралась двигаться... Если в основе ложь – то какая-то необычная! «Святая ложь...»

Что ж остается? Сложная работа,

Название которой – катаклизм.

В середине XX в. неожиданно для нормальной, традиционной физики в ее недрах возникла «теория катастроф». Дальше – больше. Тема природных и техногенных аварий, катастроф, катаклизмов вдруг стала злободневной, приоритетной, финансируемой государством. Вполне научной, повседневной, обыденной.

Пусть пламя плазмы в жерлах трепеша,

Вновь соберет волхвов вокруг Голгофы.

В ходе этой работы возникает образ космического корабля далекого будущего (или – посланца иной галактики). Это еще не научный результат, почти фантом, но он требует концентрации корифеев науки вокруг проблемы и места небывалой трагедии, космического катаклизма. Разве не очевидно?

Да здравствуют модели катастрофы

И симбиоз кинжала и плаща!

Финал стихотворения неожиданный, яркий и... странный. Модели катастрофы – прямо следуют из предыдущих строк, но дальше?? Но как понятен этот иронический лозунг тем, кто пришел к Горизонту в наивной надежде приблизить светлое будущее, работая над проблемами чистой науки, и обнаружил, что это поле интересов вовсе не науки, а спецслужб!

Что бы это значило?

С литературной точки зрения, это стихотворение очень характерно, типично для Дмитрия Демина – оно построено на парадоксах.

Стихотворение начинается в разговорной манере – кажется, ты присутствуешь на семинаре в накуренной кухне. Уже первые строчки содержат эстетические парадоксы. «Активный полёт» – термин научнообразно сухой, сплавлен в единое целое с поэтической «святой ложью», которая, в свою очередь, является парадоксом.

«Что ж остаётся? Сложная работа; название которой – катаклизм» – тоже парадокс. Термин «катаклизм» (не просто катастрофа) связан с природным явлением вселенского, космического масштаба. А «сложная работа» – штамп из области производственного романа, фильма, обыденное явление... Вот что говорит нам автор (а мы и не слышим): «Давайте исключим как безумие, так и

фантазии. Что в остатке? Работа для богов». Желая работать у Горизонта знания, понимаем ли мы, за какое дело беремся?!

Следующее двустишие также построено на парадоксе. Футуристическая и «научная» плазма, поэтически трепещущая, соединяется с библейской архаикой, порождая ощущение вечности. «Да здравствуют модели катастрофы!» – здесь интонация политического лозунга соединена со строгим сциентизмом технических моделей.

В финале стихов неожиданно появляются «рыцари плаща и кинжала», говоря низким штилем – шпионы. Сам этот финал устроен сложно. В нем три уровня:

- актуальная современность (образ спецслужб);
- поэтический, но несколько устаревший штамп – «рыцари плаща и кинжала»;
- неожиданный термин из биологии – симбиоз.

Конечно, имеется в виду парадоксальный симбиоз науки и разведки – реальность нашего времени. В коротком стихотворении два раза появляется тема тайного знания. Волхвы и шпионы – хранители тайного знания: прошлого и настоящего. Можно ли говорить об этой теме иначе, чем в жанре шифра, поэтической тайнописи?

Стержнем текста является тайная мысль, что экипажи УФО и исследователи уфологических следов Тунгусской катастрофы – это единый Галактический коллектив. Иван Ефремов в своем самом знаменитом романе сделал прогноз – в обществе ХХХ в., то есть в невообразимо далеком будущем, неизбежно появление Академии пределов знания – научного коллектива, работающего у Горизонта науки. Этот прогноз без каких-либо постановлений и финансирования реализовался в 70-х гг. ХХ в.! Сотрудникам этой невидимой Академии не требуется раскрытие кода стихотворения Демина. Он был одним из штурманов передового поискового экипажа этой Академии и знал все её коды.

Но и для просто чуткого человека, не посвященного в тайны авангардной науки и проблем послезавтрашнего дня, от текста «Экипажи УФО» веет удивительным и мощным очарованием. Это – веяние духа первопроходцев окраин Мироздания.

19 февраля 2001 г.

Оставь же надежду, идущий с нами!

Тленны знамёна и имена...

Д. Дёмин

НЕТЛЕННОЕ В ТЛЕННОМ *

Дмитрий Дёмин. Имя, далеко не рядовое для тех, кто его знал.

После сорока с чем-то лет нашего с ним знакомства и последнего с ним прощания - среди траурной (почти сплошь седой) толпы друзей - я не однажды задумывался: а было ли какое-нибудь особое предназначение у этого человека? Для тех, кого мы именуем «скромными тружениками», уверен, этот вопрос не имеет смысла вообще, но Димка Дёмин! Талантлив, умён, ярок, искромётен. Выделялся в любой компании. И не так уж мало успел сделать на своём веку: учёный, поэт, путешественник, публицист. Однако История не впишет его имя ни в список великих в науке (хотя его идеи и разработки по системам жизнеобеспечения человека учёные активно используют), ни в мартиролог любимых всеми поэтов (хотя песни, им написанные, поют до сих пор и долго ещё петь будут), ни тем более в громкий перечень именитых первооткрывателей... Неужто за свои 65 не полностью раскрылся человек?

Может быть, и так. Но у меня почему-то нет чувства, что он упустил свой шанс в главном: скорей всего, этим главным были не его скитания по тунгусской тайге, не поэзия и даже не наука. Что же тогда? У меня на этот счёт

* Очерк Л. Штудена «Нетленное в тленном» принят к публикации в журнале «Нева» (С.-Петербург) еще в 2000 г. Не исключено, что он будет напечатан в этом журнале почти одновременно с нашей брошюрой.

есть своя версия и связана она с простой необходимостью для каждого нормального человека утолить первую естественную потребность: жажду радости жизни. Это ведь не просто. Тут нужна нетривиальная помощь со стороны ближнего, умеющего добывать радость из самого что ни на есть будничного материала. Просто поразительно, до чего же мало таких людей. Конечно, если вы не актёр эстрады, умение украшать жизнь другим едва ли можно считать профессией. Но **призванием** (в данном случае) - наверняка.

Самые бесцветные мгновения этот хмуроватый человек мог раскрасить во все цвета радуги. Обыденность не могла с ним рядом сосуществовать. Он никогда не боролся с нею; он её попросту игнорировал. Его сознание не умело что-либо бесстрастно фиксировать, - оно схватывало, отбрасывало, вспыхивало интересом, забавлялось (внешне) и очаровывалось (в глубине глубин). Жизнь всегда была подходящим поводом для его любопытства. Любопытство, в свою очередь, - прелюдией к восхищению, и этим он виртуозно умел заражать окружающих.

Быть *провокатором очарования*: вот жизненная задача, которую в подлунном мире выполнял поэт Дмитрий Дёмин.

Как раз в силу этого особого призвания его смолоду тянуло в компании, где люди стремились объединиться вокруг некой (пусть поначалу очень смутной) идеи и нуждались в духовном водительстве: социальное «тело», жаждащее души... Тут появлялся Дёмин. Самой яркой, самой праздничной частью этой души он немедленно становился. При этом он отнюдь не стремился быть лидером группы. Повелевать, управлять... Никогда это его не увлекало.

«Скучно быть вождём», - говаривал Дима, скользя глазами по газетным заголовкам, венчающим официальные банальности партийных лидеров. Факультетская стенгазета, которую он делал в паре с единственным помощником, (таким же чудачком и выдумщиком), привлекала именно этим качеством: ненавистью к официозу и скуке. Газета ничему не учила и никуда не звала, она только и делала, что добрых 5 лет веселила весь факультет. На Дёмину косо глядело партийное начальство. Человек, способный записать стихами, экспромтом сочиняемыми, лекцию по статистической физике, способный слёту предложить массу новых научных идей, но ни к чему на свете серьёзно не относящийся, - был подозрителен.

Коренастый, плотный, с вихрами, напоминавшими куст осоки на болотной кочке и принципиально враждебными расчёске (которой, впрочем, служила исключительно его пятерня), сутуловатый, грузный, внешне совсем не эффектный, он лишь глазами - светло-серыми, живыми, всё схватывающими - обнаруживал свой мощный темперамент.

Всё, что говоришь ему, он слушает в позе собранного внимания, это подчёркивается взглядом, хмуро направленным куда-то вбок, крепкая голова чуть наклонена вперёд - он ждёт СМЫСЛА - тебе уже нет охоты болтать что-то

проходное и необязательное: будь интересен! Не только ему, - нет, сам себе, чёрт возьми, прежде всего сам себе... А если тебе это удалось, если ты вдруг оказался не только интересен, но и остроумен, то вот награда: Димка внезапно взрывается хохотом. То есть, что я говорю? Это не смех в обычном смысле слова. Это предметный урок радости: он показывает, что ты можешь быть источником радости для другого. Именно ты. Он чуть ли не за руку приводит тебя к этому счастливому открытию.

А если озадачен или ему не слишком нравится то, что он слышит, - руки в карманы, плечи - косо вверх - к безразличному пожатию, воздух - с шумом - в ноздри... Скупое: «Угу... Ага...» И всё. Но ничего неприятного в ответ (тем более никакого хамства - избави Боже). От никчёмного разговора он скорее всего уйдёт, не будет тратить время зря.

Его, типичного интроверта, всегда тянуло в компании, но не ради обыденного общения или обыденного веселья. Он искал свою компанию, как скульптор разыскивает подходящий мрамор. Или как романист ищет лакомый сюжет. Или, точнее, как музыкант ищет идеально звучащий, драгоценный, СВОЙ инструмент, на котором можно сыграть сокровеннейшую из мелодий.

В числе первых удачных результатов такого поиска была певческая капелла радиофизического факультета Томского университета, где мы с ним стояли рядом на задней скамье, в группе басов. Замечательно здесь то, что Дима не был ни завзятым любителем пения, ни даже - обладателем безупречного музыкального слуха (прислушивался к пению рядом стоящих, это позволяло ему не сбиться с тона и ритма). Главное-то - в другом: капелла была задушевным товариществом любителей муз. Тогда, в середине 50-х, такое случалось нередко в студенческой среде. В комнатах общежитий можно было услышать на пластинках музыку Моцарта, Бетховена, Баха. Сейчас в это почти невозможно поверить.

Дёмин к тому времени был уже автором текстов нескольких весьма популярных в нашем студенчестве песен, среди которых был факультетский Гимн. Одну из таких песен («Сидели мы в вагоне-ресторане») я услышал на стороне и спел ему под гитару как «народную», не подозревая о его авторстве... Димка лукаво промолчал. Он был уже аспирант, - по слухам, подающий большие надежды, - я же всего лишь «букварь»-первокурсник. Тем не менее отлично помню его уважительное и заинтересованное отношение ко мне как к равному, несмотря на подавляющее превосходство почти во всём, кроме знания музыки. Этого «почти» было достаточно: он внимательно выслушивал всё, что ещё не стало собственностью его чудовищной эрудиции. Никакой фанаберии! Меня это покорило сразу и навсегда.

В то время Дёмин был то деловито быстр, то театрально хмур и поражал сочетанием светлых глаз с воронёно-чёрными волосами (его переход к муд-

рой лени, философской улыбочки и снежной шевелюре произошёл для меня как-то незаметно и почти внезапно). Тогда же я познакомился и с обитателями его комнаты в «пятихатке» (пятиэтажном университетском общежитии), где собрались личности настолько яркие, что ими давно и всерьёз интересовался КГБ. В то время, правда, ребята об этом ещё ничего не знали. Поверх стола, на заляпанной липкими винными пятнами клеёнке, валялись романы Хемингуэя, таблицы интегралов и недельной давности чёрный хлеб. Над кроватями были видны во множестве декоративные следы - подпалины от спичек: обитатели развлекались тем, что поджигали клопов, свободно ползающих по стенам. Там Дёмин читал мне свои студенческие стихи, среди которых я не помню ничего серьёзного, ничего, Боже упаси, лирического (сентиментальность считалась в этом кругу неприличной). Что-то вроде:

*Будь элегантным, матовым и длинным,
Носи причёску серебристым валом,
Пугай прохожих шорохом штанинным,
Води красоток сумраком бульварным,
Дыши шикарным шёпотом горсада...
А женщинам не следует бояться,
Когда их тело в трепетной прохладе
Ласкают нежные, уверенные пальцы.*

Чистое пижонство. Сам Димка, конечно, никогда ничего подобного не делал. В горсаду ему было бы неинтересно: он не привык к праздничеству. Даже танцевать не умел. Что же касается красоток, он заведомо их не водил «сумраком бульварным»: побаивался как бульварного сумрака, так и самих красоток. Цинизм был ширмой, скрывающей затянувшуюся девственность.

И вообще он был слишком холоден для романтических отношений, так мне тогда казалось. Его вроде бы интересовали только три рода вещей: то, что умно, то, что необычно, и то, что забавно. Лишь постепенно, - но только после длительного и тесного с ним знакомства - я смог обнаружить в нём нечто, в крошечную глубь спрятанное: тоску по идеалу и любовь к красоте. Идеал (женский) он нашёл, кажется, единственный раз в жизни, но - трагически поздно... А красоту - искал и находил везде, в том числе там, где обыденный взгляд её никак не улавливал. «Понимаешь, иногда читаю что-то и чувствую мурашки в спине... Ещё ни черта не могу понять. Но по этим мурашкам точно знаю: талантливо!» (Осенью 57-го он мне как-то кинул на ходу, в коридоре: «Кажется, появился интересный поэт. Обрати внимание. Искромётный стих. Прочёл - мурашки по спине...»). Речь шла о «Гоёе» А. Вознесенского).

Красоту он не только умел видеть, он её умел искать. «По красоту» ходил как по грибы... В капеллу пришёл тоже в поисках красоты, но, повторяю, чувство нестандартной общности наших «физико-лириков», аура человеческого братства привлекала Дёмину в первую очередь. Этот его социальный романтизм, в котором опять-таки сказывалась глубоко скрытая тоска по идеалу, вскоре нашёл

ещё более благодатный выход.

Дёмин вошел в состав знаменитой в то время Коммуны, - содружества студентов, среди которых были геологи, физики и «биологини» (девушки). Замечательно, что после окончания учёбы половина из них стали служителями муз, профессиональными режиссёрами, кинодеятелями, литераторами. Это вдохновенное студенческое братство просуществовало всего один год (большинство были пятикурсники, они вскоре разъехались), но его необычная духовная наполненность, особая приподнятость и праздничность - словно специально существовали для Дёминского открытого восторга... Тут впервые проявился его талант провоцировать очарование: он как-то естественно и гармонично стал камертоном, по которому подстраивалась музыка пленительно-игрового общения этих талантливых ребят.

Один только пример. В комнате общежития - трое: университетский поэт и глава Коммуны Н. Дорожкин, Д. Дёмин и дежурная в этот день по коммунальной кухне девушка в алой кофточке. Она попросила ребят принести соли. Дёмин, как всегда, мощно втянув ноздрями воздух, вздыбив карманы брюк засунутыми в них кулаками, начал следующим образом:

Вы сказали - принести вам соль?

Мы бежим быстрее гончих псов...

Помедлив всего секунду, Дорожкин закончил импровизацию:

Вы сейчас похожи на Ассоль

В кофточке из алых парусов!

«Ч-чёрт!» - заорал Дёмин в экстазе и, повернувшись зачем-то к окну, тихо добавил: «Я слышал, как скрипнула форточка и в комнату заглянуло настоящее искусство...».

Это была - атмосфера Коммуны. Я знал всех этих людей и свидетельствую, что ничего общего с гитарными междусобойчиками, обычными для студенческих компаний, она не имела. Что-то здесь было от возрожденческой «Камераты», или, может быть, от писательских Сред и Пятниц поэтов нашего Серебряного века... Талантливая игра была стилем общения. Словно заблудившийся ангел гармонии витал над всеми, задевая крылом то локоны одной, то вихры другого, делая всех участниками никем не срежиссированного, ежедневно возобновляемого праздничного спектакля.

Здесь-то, наконец, Дёмин был вполне раскован, он был в своей тарелке. Даже позволял себе иногда быть развязным (но и эта развязность как-то особенно художественно проявлялась у него). Однажды позволил себе напиться. Первый, кажется, в его жизни случай. Прихожу в общежитие на следующий день - Дёмин, в катастрофическом похмелье, мрачно ходит взад-вперёд по длинному коридору, периодически громко икая. Проходя мимо, он на секунду остановился и доверительно-тихо, очень серьёзно сказал: «Передо мной перспектива - икать всю оставшуюся жизнь». И пошёл дальше. Ещё раз тут сказалось его

свойство: использовать любую ситуацию, даже очень для себя неприятную как возможность украсить собеседнику минуту жизни (он мне тогда на весь день поднял настроение).

У него был острый глаз на житейские парадоксы. Однажды облазили мы с ним чуть не все промтоварные магазины Томска в поисках шлёпанцев (наш общий друг Дорожкин вскоре должен был загреметь под венец, и мы ему в подарок собирали «комплект», необходимый, как нам тогда представлялось, типичному мужу: сюда входили домашний халат, подтяжки, ночной колпак и те самые труднодоставаемые шлёпанцы). В одном из магазинов мы спросили продавщицу, почему же шлёпанцев нигде не видно на прилавках. Кукольное лицо на секунду разомкнуло рот:

- Сняты с производства!

Вижу, с Димкой что-то стряслось. По обыкновению, из хмурости - в хохот. Щёлкает пальцами машущих рук... Я не мог понять. Он объяснил:

- Ну как же! *Сняты с производства!* Разве ты не чувствуешь мощь этих слов? В одном ряду с танками, грузовиками, турбогенераторами. Кто-то в Госплане готовит распоряжение по этому поводу. Сводки, проценты. Приказ, подписанный Самим... Курьеры, мраморные лестницы. Гербовая печать...

Всё это вспыхнуло в его косматой голове за долю секунды. «С таким воображением не скучно жить на белом свете», - подумалось мне тогда. Вот так он умел ловить за руку волшебство момента. Думаю, он нигде этому не учился, он родился с этим.

Был ли Дёмин самой яркой фигурой в нашем замечательном содружестве? Не думаю. Нет смысла там кого-то с кем-то сравнивать, каждый умел быть Личностью. Но он был особенным среди равных. Он был уже на подходе к тому, что называется «найти свой жанр».

В аспирантуре - подавал большие надежды. Одна из его идей, блестящая и смелая (что-то, касающееся измерения параметров ионосферы), предложенная им заслуженному профессору, его руководителю, вызвала ревниво-скептическую усмешку последнего: «Знаете ли, Дмитрий Валентинович, это больше похоже на завещание потомкам, чем на результат реальной научной работы» (потом выяснилось, что профессор использовал эту идею в научном отчёте о деятельности своей лаборатории, не сославшись на первоисточник).

Трудно сказать, как повернулась бы судьба этого человека, будь она хоть в профессиональном отношении благополучной: ну, был бы он в конце концов «выдающимся учёным» местного значения, доктором наук, интересующимся на досуге искусством, разве мало таких в России? Но так уж устроена наша жизнь, что Предназначение в ней, увы, несовместимо с благополучием.

Весной 59-го грянула беда: Томское ГБ решило проявить активность и прищемить языки не в меру развольничавшимся студентам. В том году волна антистуденческих репрессий прокатилась по всей стране - видимо, партийные

вожди кулуарно приняли решение положить конец «волнению умов» - естественно проявившейся реакции молодёжи на XX съезд партии, напомнить юнцам, позабывшим страх, КТО в стране хозяин.

Публичная дискуссия, состоявшаяся в актовом зале Томского университета, - «каким я бы хотел видеть комсомол», - была, по-видимому, одной из заранее спланированных гебистских провокаций, затеянных в рамках проводимой кампании. Основного докладчика, имевшего смелость произнести фразу «Я не могу сейчас верить ни Хрущёву, ни Эйзенхауэру», мгновенно вытурили из вуза, арестовали, судили и вlepили 7 лет лагерей. Дёмин там тоже выступил и не произнёс абсолютно ничего крамольного - за это его «просто» выгнали из аспирантуры, перед самым её окончанием. Заодно пострадали все, кто с ним жил в одной комнате (одному из них, в частности, вменили в вину... шутовское письмо, написанное любимой девушке в жанре передовицы «Правды»; кто-то из «патриотов» почтового ведомства распечатал его, прочёл и отнёс куда надо). Перед «оргвыводами» их всех месяц или два таскали на допросы.

Всё это было пошло и глупо, то есть вполне в духе Учреждения, исполнившего высочайший заказ, правда, тут всё-таки обошлось без кровавой бесовщины 30-х гг. (спасибо и на том XX-му съезду!). Но ребята внезапно оказались на улице, фактически без права поступления на работу по специальности. (По меркам России, конечно, ничего особенного не произошло: очередная отбраковка честных талантливых людей, нам ли, право, этому удивляться?).

Подчёркиваю: Дёмин и в мыслях не имел противостоять режиму, он был аполитичен в самом буквальном смысле этого слова, в антисоветских акциях никогда не был замечен. Политические симпатии или антипатии были вне сферы его интересов (думаю, - просто в силу их неспособности служить поводом для его восхищения). «Замели» Диму скорее всего для лучшей возможности отчитаться о проделанной работе, да ещё потому, что грех нестандартности слишком уж явно над ним тяготел.

По странному совпадению, именно этой несчастливой весной Дёмину улыбнулась главная удача в его жизни: он нашёл своё дело и своих людей - соратников в исполнении этого дела, растянувшегося на десятилетия, незавершённого ещё и по сей день... Речь идёт о самой грандиозной, в масштабах страны, «самодеятельности»: КСЭ (Комплексной самодеятельной экспедиции) исследователей Тунгусской катастрофы 1908 г., искателей пропавшего метеорита.

Слово «самодеятельность» никак не может здесь обойтись без кавычек, потому что на самом деле это был коллектив учёных-профессионалов, работающих в самых разных областях, чьи знания и умения обязательно оказывались нужными в той непредсказуемо разноплановой работе, что была необходима, дабы разгадать тайну феномена, официально названного «взрывом метеорита», но на деле представшего собою запутанный клубок нерешаемых проблем. Слово «самодеятельность» лишь правильно отражает факт абсолютно

добровольного и самостоятельного участия людей в исследовании, которое само по себе и было источником их энтузиазма: они надеялись найти доказательства техногенной природы катастрофы (а может быть, и останки погибшего межпланетного корабля). В ту эпоху уже могли появиться энтузиасты, которым идеи подобного рода вовсе не представлялись сумасбродными.

Так уж совпало: неожиданно вспыхнувший по всему миру интерес к космонавтике после запуска первого спутника, полувековой «юбилей» катастрофы и статьи писателя-фантаста А.В. Казанцева, впервые огласившего гипотезу ядерного взрыва (то есть - искусственного происхождения объекта, именуемого метеоритом). Именно необычность «Тунгусского дива», его непохожесть на все другие бесчисленные случаи падения болидов на Землю, перспектива открытия захватывающей Тайны - вот что было, на первых порах, «горючим материалом», обеспечившим многолетнее духовное горение (без преувеличения - добровольный подвиг) десятков и сотен людей, причастных к деятельности КСЭ.

Помню, как Дёмин делился впечатлениями от своей встречи с организаторами первой экспедиции:

- Какие ребята! Нет - КАКИЕ ребята!! Один - участник войны, деловитый такой, ровный в интонации, говорит как будто успокаивая, а присмотришься - сталь в глазах... Мощь духа. Уверенность в идее поиска... Он главный у них. Другой - интеллигентен, долговяз, умён как бес, языческий бог науки, брови дугой, мечтателен: поэт Идеи! Третий - фанатик, молчун, сидит всегда нахохлившись, челюсти сжаты, толстые стёкла очков, не говорит - выпаливает...

Прошло больше сорока лет с того вечера, но эти портретные штрихи со слов Дёмина мне чётко врезались в память - именно потому, что он, конечно, не о реальных людях говорил, он рисовал ОБРАЗЫ, рождённые этими людьми в его жадном на восторг воображении. Именно тогда я понял, что Димка прежде всего поэт, то есть человек, главная потребность которого - быть очарованным. Позже-то, когда он со всеми ними поближе познакомился и очарованность уступила место весёлой иронии, о тех же самых людях он говорил в уже своём обычном стиле: *«У Командора морда не умыта...», «Шёл Николай шагами тяжкими, промеж стволов блестя подтяжками...»* и т.д.

Очарование, однако, не пропадало. Он был в этих людей, если можно так выразиться, хронически влюблён, потому что они позволяли ему то, что он до сих пор очень редко сам себе мог позволить: со всей возможной полнотой выразить лучшую часть себя. Они для него были, как для романиста герои самого заветного романа: любимы навек. Надо ли говорить, что «герои» платили ему тем же! Дёмин - и знамя, и гимн, и сама атмосфера КСЭ. Именно Дёмину принадлежит ставший уже классикой среди «космодранцев» афоризм: «Мы искали метеорит, а нашли друг друга». (Тут надо бы добавить: друг друга они нашли практически сразу - метеорит не найден до сих пор. Но последнее в свете первого оказалось не таким уж и важным...).

Началась сорокалетняя «метеоритная» эпопея.

Уникальным и специфичным было не только само исследование, но и сообщество, родившееся для выполнения его задач. Академик Н.В. Васильев, один из лидеров и основателей КСЭ, совершенно справедливо писал: «КСЭ не является просто научной организацией на общественных началах. Будучи, действительно, прежде всего сообществом научным, она в то же время имеет черты и клуба, и некоего ордена, и большого, порою внутренне противоречивого, клана, семьи, в которой бок о бок работают не только близкие друзья, но и порою очень разные и даже вряд ли совместимые в другой среде люди». Предельно точная характеристика. Но она требует некоторых разъяснений. Каким образом научная вольница вдруг становится семьёй? Откуда черты «клуба» и «ордена»? Наконец, почему же именно здесь, в ЭТОЙ среде могли быть совместимы действительно труднос совместимые люди?

Думаю, что сам по себе научный поиск, - пусть даже вокруг интереснейшей, перспективнейшей, интригующей проблемы, - не мог бы привести к такому результату (мало ли мы знаем научных «коллективов», благополучно распавшихся после первой же склоки?). «Космодранцы» не зря уже с первой экспедиции почувствовали себя частицами уникального живого организма! Для этого нужна была работа, приведшая к существованию особой «коллективной субстанции» - ДУШИ, без которой ничто подлинно живое не может существовать.

Человеком, проведшим именно эту работу, был Дмитрий Дёмин. Может быть, он не был единственным настоящим «специалистом» в такого рода деятельности, но инициатива и пальма первенства наверняка принадлежали ему... Это, конечно, не значит, что в научной части его вклад много меньше (об этом речь впереди). Никто ведь не приглашал его в КСЭ на роль «затейника», он сам к этому меньше всего стремился. Но по неписанным социальным законам произошло само собою так, что присутствие Дёмина сказалось на духовной жизни таёжных бродяг самым волшебным и непредсказуемым образом.

Послушать их или почитать их воспоминания - каждая их встреча была праздником! И к встречам на таёжных тропах их тянуло ежегодно на протяжении многих лет. А между тем их работа в тайге меньше всего напоминала увеселительную прогулку: кропотливый тяжёлый труд, гнус, болота, 40-килограммовые рюкзаки, ежедневно пополняемые образцами почвы и древесины. Причём маршруты проходили, как правило, не просто по бездорожью, но сквозь бурелом поваленных во время Взрыва полусгнивших стволов. Если прибавить к этому, что никаких лёгких сенсаций и быстрых открытий эта работа не сулила ни в первый год поиска, ни в последующие, что вещество «метеорита» так и не было найдено и что научная (лабораторная) обработка данных была не менее тяжела и кропотлива, чем полевые работы, нельзя не подивиться постоянству преданности - идее поиска и друг другу, - отличавшему все эти годы членов КСЭ. Они стали словно частичками единого организма, имевшего собственную волю к жизни:

эта воля собирала их не только для полевых работ, но и на всевозможного рода сборах, сходках, днях рождения и пр.

Спустя сколько-то лет «феномен КСЭ» начал интересовать прессу. К таёжному братству наведывались корреспонденты центральных газет с вопросами типа: «Что вам позволяет существовать так долго? Ну, надо же! Столько лет! Почему вы до сих пор не развалились?» Действительно. За минувшие 40 лет распалось бесчисленное множество как угодно «крепко спаянных» коллективов, тихо скисали и закрывались лаборатории, целые предприятия, научные группы любых рангов, и в это же самое время КСЭ не только жила полноценной жизнью, но и притягивала к себе всё новых людей. К деятельности КСЭ были причастны отнюдь не только таёжные романтики, но и крупнейшие учёные страны: академики Королёв, Курчатов, Тамм, Арцимович, Лаврентьев, Соболев, Трофимук... Сибиряки были зачинателями, но впоследствии в КСЭ стали приходить люди со всех концов России. В 80-х на тропу Кулика ступило второе поколение: это были дети тех, кто начинал. Теперь уже и к ним относились Дёминские строки: «Ты по тропе с другими пёр, под грузом мучась...»

Я никогда не сталкивался с Дёминым на таёжных тропах. Не пришлось. По описаниям соратников, это выглядело примерно так: дородная фигура с рюкзаком, кое-как наброшенным на плечи, кособоком (т.е. неудобно и наспех набитым: Димка не терпел такого занудства, как тщательная укладка содержимого рюкзака), шаг - быстрый, неутомимый: не шёл, а именно «пёр», не оглядываясь назад, далеко обгоняя по тропе других. Все разговоры, все шуточки и песни - на привалах, на лесной же тропе ему нужно было одиночество: возможно, что именно там складывались его лучшие стихи. Полное отсутствие бытовой озабоченности приводило к тому, что, бубня на ходу рифмы, он не всегда успевал выбрать подходящее место для стоянки, темнота заставляла врасплох, приходилось ночевать где-нибудь посреди болота... Такие мелочи его не смущали. Это было не совсем удобно для тела, зато удобно для поэзии.

В разгар его таёжных путешествий мне иногда доводилось встречать его в Новосибирском академгородке. Всё та же смесь хмурой в-себе-сосредоточенности и внешне энергичной манеры общения. Рукопожатие: ладонь стремительно навстречу - вкось - с остро согнутым большим пальцем. В то же время видно, что про себя он додумывает какую-то очередную искромётную идею. Секунда... Он начинает ею делиться:

- Ты знаешь, в чём гарантия недостижимости? В страстном желании. Я это вчера понял. Столько лет мечтал собственными глазами увидеть НЛО! Как нарочно, все мои знакомые - живые свидетели подобных чудес. Мне одному эта штука ни разу, как на зло, не попадалась. Живу, глотая обиду. Наконец, вчера НЛО элементарно повисли почти над крышей нашего дома (Пришельцы - ребята с юмором)... Дочь вбегает в комнату, вопит: папа, папа, выйди, посмотри, какие-то шарики в небе! Что же, по-твоему, сделал страстный искатель

транскосмических аппаратов? Вышел хотя бы на балкон? Нет, но вместо этого начал научно объяснять ребёнку про какие-то там эффекты атмосферных явлений! НЛО-навты в своих тарелках, небось, поумирали со смеху... Так я ничего и не увидел. Теперь у меня родилась формула: *кретинизм есть привычка сознания*. Подойдёт?

Вплоть до начала 70-х он каждое лето исчезал в дебрях тунгусской тайги. Увлечение становилось судьбой. В походы перестал ходить лишь после того, как заболел и перенёс операцию. Но на все общегородские встречи охотников за метеоритом он являлся непременно, утвердившись пожизненно в рядах таёжного братства...

Позволительно спросить: что же ещё сулило «членство» в КСЭ, кроме тяжелейших условий работы, хронического отсутствия внятных результатов и хронической необходимости, взамен заработка, вкладывать в это предприятие собственные деньги? Что заставляло этих, по-видимому, малообеспеченных людей, не зря именовавших себя «космодранцами», упорно и упрямо, из года в год, на протяжении десятилетий, стремиться друг к другу навстречу?

Ответ на этот вопрос лучше всего, вероятно, сформулировал Сент-Экзюпери, несмотря на то, что он, конечно, не мог подозревать о возможности существования КСЭ: *«Лучшая на свете роскошь есть роскошь человеческого общения»*. Придите на любую их сходку, откройте любую из написанных ими книг и любой рукописный журнал. Вы убедитесь, что «космодранцы» буквально купались в этой роскоши и что, собственно, для них это была уже не роскошь, а первейшая жизненная необходимость.

А с чего всё началось?

В 1959 г., после завершения всех походов первой экспедиции КСЭ, когда поисковые отряды встретились в Ванаваре, Дёмин представил на суд собравшихся Гимн КСЭ и Первую балладу, посвящённую таёжным будням. То и другое было встречено с восторгом. В этих стихах - ещё мечта о главной цели, о следах внеземных цивилизаций:

*Я не знаю, где встретиться
Нам придется, пилот.
Под земным палумесцем
Ты провёл звездолёт...*

Дальше, после появления первых стихов, во время всех последующих экспедиций, стало происходить нечто поразительное: едва ступив на тропу, чуть ли не каждый, по примеру Дёмина, уже испытывал неудержимый поэтический зуд. Десятками, сотнями появлялись стихи, многие из которых были настолько хороши, что их начинали цитировать, декламировать и в конце концов - петь. Именно на Тунгуске Дмитрий Дёмин в полную силу развернулся как поэт, и если под словом «народ» подразумевать многочисленное племя романтических непосед, тех, кто в этом море болот и бурелома каждый полевой сезон «по тропе

с другими пёр», то, пожалуй, он в чём-то заслужил славу народного поэта. Из пёстрой толпы бродяг-интеллигентов, искушаемых лирой Аполлона, в последующие годы выделились другие даровитые авторы, например Геннадий Карпунин (со временем ставший крупным профессиональным поэтом), Виктор Черников (соловей и бард КСЭ), Владимир Воробьёв (ему принадлежит и музыка многих песен), Ольга Блинова и другие. Большинство их, как русские писатели-романисты XIX в. из гоголевской «Шинели», выросли из первой баллады Дёмина.

Первая подборка космодранских стихов (Сибирские огни. 1994. № 3-6) вышла с предисловием самого Дёмина. Поэтическую одержимость исследователей «Тунгусского дива» их главный вдохновитель трактует следующим образом:

«Уже в первых экспедициях был подмечен странный космофизический феномен: как только человек попадал в район взрыва Тунгусского метеорита, он начинал писать стихи и сносно играть на гитаре. Принимая доклад полевых командиров, координатор экспедиции говорит обычно следующее: «Так. Полевой дневник ложь сюда, отобранные пробы - туда, остатки спирта - вон сюда, поэму - вон туда! Как это - нет поэмы? Ах, не успел оформить? Чтобы мне!..» Неопределённость угрозы действовала, и провинившийся полевой командир добывал бумагу и часа полтора маячил по кустам, воспроизводя свои впечатления в стихотворной форме. Наконец, к всеобщему удовольствию, он приносил новую поэму, которая и зачитывалась на очередном общем сборе.
<...>

Откуда появлялись эти стихи? Мы этого не знаем. Может быть, они жили здесь в лесу всегда и, услышав голоса, выходили на тропу, как маленькие дети, садились нам на плечи, обнимали мохнатой лапкой за шею и что-то горячо шептали на ухо. А может быть, стихи составляли содержимое контейнеров звездолёта, погибшего над Тунгусской тайгой, и тонкой кристаллической пылью распространились на просторах Евразии...»

Сегодня лишь часть стихов, написанных в районе Тунгусской катастрофы, стала доступна читателю (кроме указанного журнала есть сборник «Синильга». Стихи, песни, баллады. Новосибирск, 1996). Посмертно вышла и единственная книжка стихов Дёмина. Но целые россыпи этого жемчуга, затерявшиеся по частным архивам и рукописным журналам, ещё ждут своих исследователей.

Что касается жанра космодранской поэзии - его нелегко определить. Попадает что-то эпическое. Правда, всегда через юмор, который вообще-то с эпосом имеет мало общего. В то же время «ироническими» тунгусские стихи как-то не хочется называть: в них достаточно романтической задушевности. Лирические стихотворения там тоже есть, их много, хотя в целом это не лирика в традиционном смысле слова. Вот, например, знаменитое Дёминское (тоже ставшее песней):

*Люблю смотреть в твоё лицо,
Когда ты рядом спишь,
Когда сжимается в кольцо
Вокруг лесная тишь,
Когда проходит амикан
По сумрачной тайге,
Когда полуночный туман
Стекает по реке.
Быть может, это только сон -
Я зря затосковал.
Люблю смотреть в твоё лицо -
Серебряный овал.
Когда на сонки шлёт гонцов
Печальная заря,
Люблю смотреть в твоё лицо,
Дыханье затая.
Пусть зажигают города
Зелёные огни,
Пусть, исчезая навсегда,
Бегут за днями дни,
Пусть течёт иная жизнь
Сквозь пальцы, как в песок, -
Люблю, когда ты рядом спишь,
Смотреть в твоё лицо.*

Монолог этот обращен не только к женщине, но также - к тайге, к тишине, к молчанию. Также и лирика остальных поэтов КСЭ - что-то медитативно-созерцательное, любовь прежде к Тайне, нежели к самому «предмету» сердечных чувств. «Прохладный металл тайги» (выражение того же Д. Дёмина) словно делает эти стихи сдержанно-целомудренными, скорее философскими и пантеистическими, чем чувственными. В то же время они не очень вписываются и в туристический фольклор, хотя бы потому, что атмосфера КСЭ вовсе не была туристической.

Что же такое, в самом деле, поэзия «космодранцев», с точки зрения любителя изящной словесности? В этом надо бы разобраться профессионалу, но профессионал скорее всего равнодушно пройдет мимо этой неранжированной *внежурнальной* поэзии, усмотрев в ней нечто, пребывающее за пределами литературы. И зря. Чистые голоса тунгусских романтиков уже изначально, в момент самой их встречи, стали поэтическими. Священное бормотание огромного живого существа, имя которому КСЭ, если вслушаться в него внимательно, дало бы достаточно пищи искусствоведу любого ранга.

Сами же «космодранцы», за малым исключением, не считали себя никакими литераторами и тем более не претендовали на широкое признание.

Однако факт остаётся фактом: придя в КСЭ, они пусть даже неявно, становились поэтами. Не могли не стать: кроме красивой мечты и дикой природы рядом с ними звучал мощный камертон. Камертоном был Дёмин.

Замечательное качество отличает множество стихов разных авторов (едва ли, правда, это качество можно считать чисто литературным): то здесь, то там чувствуется незримое присутствие грузного вихрастого интеллектуала со смеющимися серыми глазами. Это мне иногда кажется мистикой: читая «Синильгу», я то и дело натыкался на фразы, выражения или просто на интонацию, живо напоминавшую Димкину манеру «художественного» разговора, делающего общение элементом дружеской игры. Его манеру шутить. Его отношение к вещам и событиям. Иногда даже стиль шуток - поразительно Дёминский (индивидуальную манеру юмора вообще трудно спутать с чем-либо другим). Получается, что и стиль общения, и стиль поэзии, и восхищение друг другом - словом, та самая *роскошь человеческого общения*, которая сформировала «феномен КСЭ», выросла, как магический кристалл, вокруг его личности.

Нет, я вовсе не хочу умалить роли других прекрасных и умных людей, в том числе организаторов КСЭ, их вклад несомненно больше, но лидеры общества - это одно, а душа - всё-таки нечто существенно другое... Вот здесь-то Димка нашёл себя целиком и полностью. Общественный организм, который сформировался под пение его гимна, обрёл свой голос - почти мгновенно - «Курумники» (рукописные журналы КСЭ) - это, в основном, стихи. Сходка, привал, костёр - песни и стихи. Итоговая книга-размышление отца-основателя КСЭ Г.Ф. Плеханова «Тунгусский метеорит» - вся насыщена стихами.

- Это всё хорошо, но при чём тут, в конце концов, поэзия! Речь идёт всё-таки о НАУЧНОЙ экспедиции, где же результаты?! - возмутится дотошный читатель, и будет, по-своему, прав. Именно такой вопрос я задал самому Дмитрию Дёмину. Разговор был году в 96-м, незадолго до его кончины.

В ответ я получил сжатый, профессионально-суховатый устный отчёт (Дёмин мог и любил быть чётким там, где этого требовала *эстетика момента*). Смысл его резюме был для меня и парадоксальным, и грустным. Выходило, что итогом многолетних исследований служат... гипотезы - т.е. то, что, собственно говоря, должно было бы послужить (и послужило) поводом для их начала! Разница лишь в том, что гипотез стало на порядок больше (теперь их около сотни). Благодаря гигантской работе по сбору и исследованию материалов можно определить лишь степень правдоподобия каждой из них.

- А что всё-таки правдоподобнее? Комета?

- На этой идее строили все свои доводы деятели из Комитета по метеоритам, чтобы «закрыть проблему». Даже подняли шум в прессе... Но не вышло. Кометная гипотеза не стыкуется с некоторыми очевидными фактами. Кстати, и все прочие гипотезы - тоже.

- Мистика какая-то... А как с марсианским кораблём? Что-то подобное

могло быть или нет? - спросил я серьёзно.

Дёмин, улыбаясь одной только поднятой бровью, одновременно потягиваясь всем своим мощным телом (хрустнули кости), ответил:

- Космические пришельцы были несомненным фактом. Я имею в виду факт нашего энтузиазма. Остаётся только вопрос: *научный* ли это факт...

Кроме обычной для Дёмина изящной иронии главным в этом ответе, как я теперь понимаю, было всё-таки умолчание. Он попросту ушёл от ответа, не желая распространяться на тему, слишком давно и глубоко его волнующую.

Сейчас, когда пишутся эти строки, я испытываю запоздалое сожаление: мы ведь столько лет жили и работали в одном городе (Новосибирске), но для встреч как-то мало было времени, чаще обходились телефонными звонками. Обсуждали новинки литературы, фильмы Тарковского или случайные житейские пустяки. А вот научных проблем - не касались, как-то не выходило.

Как обычно, меня поражала его врождённая эстетическая интуиция: у этого «технаря» было столь острое зрение на малейшие крупинки художественной гениальности, что иногда казалось - всё лучшее в современном искусстве специально делается в расчёте на Дёмина: остаётся лишь этого единственного человека растиражировать, чтобы получить искомый идеал массового зрителя и читателя! Его замечания по поводу некоторых литературных работ были подчас настолько тонкими и точными, что мне кажется до сих пор: в лице Дмитрия Дёмина для литературы, возможно, пропал незаурядный критик. Форма этой критики, как всегда, отличалась изяществом, свойственным Дёминскому остроумию. Например, реплика по поводу внешне незаметной фразы:

- «Женщина, обделённая лаской», - так сегодня нельзя писать. Лак столетней давности ничем не пахнет... А лучше было бы: «Женщина, которую м-м-мало л-лас-с-скали»... - (до сих пор в ушах стоит: так виртуозно, так по-Дёмински звучно были просмакованы эти согласные).

Одному из литераторов, у которого в книжке неумеренно много описывались страдания человека в больнице, Дёмин заметил:

- Извини, но не кажется ли тебе, что уже на 5-й странице вместе с героем начинает агонизировать твой читатель?

Едкая сатира, с которой он обрушился в последних своих стихах на новые порядки в нашем Отечестве, обнаружили в нём вдруг ещё одну ипостась, которая до сих пор почти ни в чём себя не проявляла - он стал автором **гражданской поэзии**. Вот уж никогда бы не подумал! Стихи - не по-Дёмински горькие. Необычным был и гомерический их сарказм. Вообще-то никогда раньше его слова, даже сказанные кому-то в осуждение, не звучали зло - он злым быть не умел. Значит, что-то сильно его разозлило в нашей постперестроечной жизни. Что именно - нетрудно догадаться. Непроходимая пошлость «коммерческой» культуры, её интеллектуальная скука и эстетическое ничтожество. Тут он уже не резвится, он - хлещет:

*Эта клоака, эта помойка -
Всё, что народу дала перестройка?
Нищий в остатках бывлой униформы -
Оруженосец и рыцарь реформы?
Милый народ, дорогие старушки,
Все, кто живёт от полочки к полочке,
Не выставляйте на улицу уши,
С неба на вас не посыплется плюшки.*

*Тем, кто сегодня встаёт у кормушек,
Не до, простите, конкретных старушек,
Им бы, вертясь у московских вертушек,
Только не съехать с последних катушек.*

*Милый народ! Это вам не игрушки.
Не уподобьтесь коту на комодке -
Приберегайте ушанки и кружки -
Вам пригодятся они в переходе,
Где по соседству с голодной старухой
Юная сволочь торгует порнухой.*

Наступившая эпоха («*сатанинская энергия эпохи*») - по собственному выражению Дёмина) почти не обещала поэту новых очарований. Оставались старые друзья. Вот высшая похвала, адресованная Дёминым одному нашему общему знакомому: «Он до кончиков ногтей стал произведением искусства...».

К этому обозначенному им идеалу под конец жизни был близок он сам. Был бы ещё ближе, если бы не враждебное отношение к быту, который в силу этого имел над ним тираническую власть и становился всё более мучителен для него. Но и здесь он находил возможность с помощью иронии и игры уйти от проблем. В памяти очень живо всплывает эпизод многолетней давности: захожу к нему однажды домой, дверь открывает Люба (жена), молча показывает куда-то вглубь комнаты. Что случилось? Заболел? Не может сам открыть?

Захожу, вижу: поперёк дивана две фигуры - одна крохотная, в ползунках, ручки в стороны и ножка положена на другую ножку. Женя, пятимесячная дочь. Рядом - точно в такой же позе, ручищи в стороны и одна ножища положена на другую ножищу - Дёмин. Блаженная физиономия. Реплика: «Мы отдыхаем. Мы очень просим не шуметь».

Не знаю, мог ли он быть вообще полезен в домашнем обиходе. Скорей всего нет, потому что для него «это всё» было скучно. Реальность, которая не могла служить поводом для любопытства, восхищения или игры, была вне его сознания. Житейская беспомощность, нежелание всерьёз позаботиться хотя бы о своём здоровье - из той же оперы. Он был поэт момента, а всё, что не звучало в лад с этой поэзией (житейские заботы, частные обязательства, etc.), проска-

кивало как-то мимо него.

Другое дело - профессия.

Я знал, что Дёмин работает в ИКЭМе (институт клинической и экспериментальной медицины). Но смысл его официальной научной деятельности мне был не ясен, и вообще эта сторона его жизни мало интересовала меня. Между тем в науке Дёмин был тем же, что и в поэзии, - человеком, преследующим Тайну. Здесь его оружием был мощный профессионализм - он славился как мастер системного математического анализа. Как мне позже удалось выяснить, он пользовался этим оружием отнюдь не для рутинных целей. Образно говоря, мачете в его руках служило не для рубки сахарного тростника на чьих-то аккуратно распланированных плантациях, а для прорубания троп в непролазных, нехоженных джунглях. Как и в жизни, в науке Дёмин стремился быть возможно дальше за пределами обыденного.

Здесь не место анализировать результаты его научной работы, проделанной под руководством его замечательного шефа В.П. Казначеева, известного в Новосибирске как исследователя самых дальних горизонтов науки, «еретика» среди ортодоксов, одного из людей, приближающих время крушения обветшавшей ньютоно-картезианской парадигмы. Казначеев сумел по достоинству оценить интеллектуальную мощь своего соратника и вклад, сделанный им в науку. Достаточно сказать, что системный анализ Дёмина намного расширил рамки и обогатил методы исследований Института как в области экологии, так и в сфере систем жизнеобеспечения. В частности, своими расчётами Дёмин сумел предельно чётко показать, что представляет собою демографический геноцид, осуществляемый сегодня в России... Будем надеяться, о его выводах узнают те, от кого зависит будущее этой страны. Имеющий уши да слышит!

Но вернёмся к тунгусской эпопее. У меня было несколько бесед с Виктором Журавлёвым, однокашником Дёмина, с которым вместе они начинали тунгусские походы. Г.Ф. Плеханов не зря назвал его «честью и совестью КСЭ». С Дёминым он был рядом почти везде - от комнаты студенческого общежития, от таёжных троп, азартных дискуссий, совместных научных работ - до роковой, последней в жизни Дёмина больничной палаты.

Я попытался задать Виктору главный свой вопрос:

- Витя, мы с тобой не один десяток лет были знакомы с Дёминым. Оба знаем, что никакой рутинной работой, в науке тем более, Димка заниматься бы не стал. Причём он мне сам говорил, что работа в КСЭ ни к чему определённо-му до сих пор не привела и скорей всего, очень не скоро приведёт. Тем не менее до последних дней он был связан с обработкой каких-то цифр именно по данным КСЭ. Чего ради? Из чувства долга? Никогда не поверю. Что-то он здесь удивительное надеялся раскопать... А может, уже раскопал?

Журавлёв, вероятно, очень хорошо прочёл мои мысли, потому что, не дожидаясь, пока я произнесу эту тираду, он рассказал мне о некоторых результатах математического анализа Дёмина, показал мне его последнюю, ещё не

опубликованную научную статью по этим наработкам... Он её продиктовал в больничной палате, уже перед смертью. И я ахнул:

- Так это же доказательства техногенной природы взрыва!

- Именно. Тем не менее, - грустно улыбнулся Виктор, - «нормальные» ученые всё равно в это не поверят. Например, данные по аномальному содержанию редкоземельного элемента иттербия в районе Взрыва (ни много, ни мало - в 800 раз больше по сравнению с фоном!) я показывал в Комитете по метеоритам. Там к этому отнеслись крайне скептически.

Ведь главное, в природе содержание редкоземельных элементов с большим атомным весом всегда меньше, чем с меньшим - в любом минерале.

А тут всё наоборот: такой картины соотношений редкоземельных элементов, это они отлично знают, не наблюдали ни в вулканических породах, ни в метеоритах. Они мне посоветовали... ещё раз повторить исследования. Шутка сказать! Тысячи проб! Кропотливейший анализ! И снова - только на общественных началах, силами добровольцев!

- Но пробы-то сохранились?

- В том-то и дело, что нет. С этим иттербием загадочная произошла вещь. Нашими образцами в Омске занимался Сергей Дозморов, завлаб, специалист по металлометрии. Ночью остался в лаборатории для продолжения работы. Утром его нашли мёртвым. Диагноз - отравление. Все образцы СРАЗУ кто-то выбросил. Теперь трудно повторить. Столько лет прошло... Между тем расчёты Дёмина показали, что минимум иттербия приходится на эпицентр взрыва, а максимум - как раз на то место, где, по нашим ожиданиям, должны были найти остатки взорвавшегося тела. Линия соединения этих точек совпадает с осью вывала леса...

- Потрясающе! Теперь понятна логика действий Дёмина. Он копал, оказывается, именно в самом рискованном направлении и докопался-таки!

- Подожди, это ещё не всё. Димка нашёл математический метод, позволивший выявить закономерность в кажущемся хаосе дисперсии поваленных Взрывом стволов. Выяснилось, что до основного взрыва были другие, более слабые...

- Очевидцы говорят не об одном взрыве, а о «канонаде»!

- Расчёты Дёмина это подтверждают. И более того - вывал оказался не равномерным, а «лучистым», то есть в каких-то направлениях взрывная волна была сильнее, в каких-то - слабее...

- И что?

- А то, что эти «лучи» расположены почти с идеальной правильностью, под углом в 30 градусов. Как если бы ударная волна шла от дуэз межпланетного корабля... Димка рисовал мне схему этих дуэз уже в больнице.

- Но ведь никогда он публично не говорил об этих своих изысканиях... Интересно знать, почему?

- Потому что не было смысла. Если уж наш железный «Командор»,

Геннадий Плеханов, великий энтузиаст техногенной гипотезы, почти окончательно в ней разуверился, то чего ждать от нашей официальной науки?

Затем Виктор познакомил меня со следующим занимательным сюжетом. Оказывается, организаторы КСЭ вышли во время одной из экспедиций на местного учителя физики, В.Г. Коненкина. Тот рассказал о своих беседах с местным «недобитым» шаманом-эвенком, удравшим от карающей десницы НКВД в тайгу. Старик-шаман - один из немногих подлинных свидетелей Взрыва. Коненкин сам был энтузиастом, интересующимся этой тайной, он специально разыскал старика в тайге. Тот сначала не хотел отвечать на расспросы: «Нельзя, нельзя рассказывать. Рассказал один раз... Эвенку одному. Погиб, зарезали в драке...». Учитель физики оказался упорным настолько, что ему удалось сломить упрямство старика. И вот что, в его собственном пересказе, он услышал от эвенкийского шамана:

«В тайге я был. Собака моя была к дереву привязана. Лося убил, как раз свежевать начал. Вдруг вижу, небо покраснело... Раздался гром... В глазах у меня стало темно, упал, сознание потерял. Очнулся - лося от меня отбросило, собака исчезла, вокруг всё горит, деревья повалило... Тут я ЕГО и увидел!» «Кого - ЕГО?» - изумился Коненкин. «Дьявола, кого ж ещё! Летает надо мной, длинный, серый, как таймень, глаза круглые, похожи на окошки. Летит прямо на меня. Я на колени упал - не подумай, что эвенкийским богам молился, нет, я Иисусу Христу, я Деве Марии! Я правильно молился. Потому и жив остался... Он кружится надо мной - а я молось... А потом он улетел. Ну, позже мы с купцом Суздалевым, его людьми в то место пошли, где всё случилось. Пришли - а там гора срезана как ножом, недалеко новое озеро появилось, совсем круглое, в нём вода ходит кругом, а на воде что-то белое плавает, на сало очень похоже, и пахнет керосином».

- Для учителя физики эта история кончилась плохо, в точности как обещал шаман, - продолжал Виктор. - Погиб от удара ножом: похоже, что в пьяной драке, но никто этого не видел, нашли только труп. Выходит, шаман не просто так его страшал. Кстати, Дёмина тоже «предупредили».

- Как! Кто?!

- История не менее загадочная. Прихожу как-то к нему под вечер, они с женой ждут в гости какого-то экстрасенса. Вроде с Дёминым они договорились так, что тот его встретит на остановке автобуса. Димка пойти поленился, я пошёл вместо него, но никого там не увидел... А через некоторое время этот человек позвонил к Дёмину домой (трубку взяла Люба) и сказал буквально следующее: «Передайте своему мужу, что если он будет продолжать заниматься Тунгусским метеоритом, он плохо кончит».

Надо ли говорить, как эта история меня заинтриговала. Ведь есть же известная повесть братьев Стругацких «За миллиард лет до Конца Света» (Дёмин, кстати, её хорошо знал и ценил), где проблема опасности поисков расшифровки некоторых «вечных загадок» ставится весьма недвусмысленно! Человеку НЕ ДОЗВОЛЯЕТСЯ узнавать нечто, если «кто-то» не хочет, чтобы ЭТО было известно. Конечно, фантастика, мистика. И всё же...

Я обратился к Любе, вдове Дмитрия, чтобы узнать эту историю от первого лица. Факт телефонного звонка она подтвердила, добавив следующее:

- Звонили в тот вечер не один, а ДВА раза. И оба раза - одно и то же: «Передайте Вашему мужу: если он будет заниматься Тунгусским метеоритом, - ему будет плохо».

- Кто этот человек?

- Мы его не знали. Его знал Журавлёв.

- Вот те на. Но Журавлёв говорит, что это - какой-то ваш знакомый?

- Он что-то путает.

Странно. Очень странно. Журавлёв его не знает. Чета Дёминых - тоже. Фантом какой-то... И найти нельзя. Только - сам факт телефонного звонка.

Дёмин эту ситуацию, конечно, не принял всерьёз. Его жена - сильно была встревожена. Умоляла мужа прекратить расчёты по темам экспедиций. Димка отмахнулся. Женская впечатлительность не должна была вредить делу. Его здоровье, однако, ухудшилось. Попал, наконец, на операционный стол. Жена три раза ломала ногу. У дочерей (уже взрослых) не складывалась жизнь. Удача как будто навсегда от него отвернулась.

Конечно, странно было бы человеку здравомыслящему и трезвому связывать всё это со смутными угрозами какого-то там экстрасенса... Дёмин в этой ситуации вёл себя именно как трезвый человек. И непробиваемо упрямый. Он продолжал работать.

Финал не заставил себя долго ждать. Рак кости: левая рука. Предлагали ампутацию - отказался. Друзья из КСЭ буквально «встали на уши» - любые лекарства доставались, любые новейшие методики лечения проводились... Болезнь между тем прогрессировала с космической скоростью. Пришло время, он понял, что обречён.

Один из наших общих друзей, известный мне беспощадностью философского анализа, сказал в приватной беседе:

- Я очень люблю Дёминскую песню «Железные своды леса». Классика. Только последняя строчка мне не нравилась никогда: «...молча проходят усталые роты и неизвестность бросают под сапоги». Что это такое? Строчка внешне эффектная, но пустая. Хуже того - опрометчивая. Нельзя так обращаться с неизвестностью. Вот и вышло в конце концов, что «космодранцы» как стояли перед лицом неизвестности, так и стоят в той же позе до сих пор, а что касается автора, то неизвестность его самого бросила под сапоги... Получился абсурд. Умирать - разве это *дело* для Дёмина?

Вот уж, подлинно. Однако, мы все очень плохо знали Диму. Своё умирание он умудрился-таки превратить в *дело*.

Повторяю, я знал этого человека в течение десятилетий. Всякое было меж нами, подозревал я его и в малодушии, и в бессердечии, злился за его необязательность, за равнодушие к собственным обещаниям, негодовал, мы надолго расходились. В конце концов, утвердившись в уважении к нему как поэту и интеллектуалу,

я решил было, что хорошо его знаю, что меня-то он ничем больше не удивит.

Нет - удивил.

Звоню ему по телефону (уже зная, что Дима обречён). В руках у меня книжка стихов Игоря Иртенева. Спрашиваю, знает ли он такого поэта. Как ни странно, Дёмин впервые от меня услышал это имя. Такая близость в ироничности - как он мог пройти мимо «Поэта-Правдоруба»? Читаю вслух наиболее забавные стихи. Слышу - громоподобный Дёминский хохот, его характерные: «ч-ч-чёрт!», «зверь!», «искромётно!» и т.п.... Не верю ушам. Но всё-таки факт остаётся фактом: по ту сторону телефонного кабеля от души хохотал человек, знающий, что жить ему осталось считанные недели.

Звонил ему ещё несколько раз. Никаких жалоб: бодрый, характерный в энергично-звучной интонации, хорошо знакомый голос. Не знал бы о его болезни - ни за что б не догадался. Только потом, уже накануне больницы, стало заметно, что голос Дмитрия как бы охрип: вероятно, метастазы добрались к гортани.

И всё это время он не прекращал свои расчёты по Тунгусскому вывалу. Тут-то стал проступать сквозь математические формулы тот самый контур дюз межпланетного корабля, который рисовал он для Журавлёва уже в больнице... В больницу друзья доставили ему мини-компьютер, чтобы он мог продолжать расчёты. Он этим и занимался - между процедурами, инъекциями и беспамятством. Плевать ему было на мистику каких-то телефонных угроз. О своей болезни он почти не говорил. О близкой смерти - тем более. Ему было скучно умирать - этот «процесс» не стоил внимания. (Я, конечно, не думаю шутить: уверен, что для него это именно так и было!). Жена была с ним в больнице каждый день, она свидетельствует:

- Ни стоны, ни жалобы. Один только раз, задумчиво так, будто бы к себе прислушиваясь, он заметил: «Вот странно, кто-то словно ломом ворочает кости. Ты не знаешь, почему это может быть?»

Это - о боли. Той самой, от которой воем воют раковые больные. Боль в каком-то отношении вдруг показалась ему интересной... Как исследователю. Не более.

Журавлёв вспоминает, что, когда опаздывали ему сделать инъекцию, он сидел, слегка раскачиваясь, перемогая муку, что-то бормотал. «Наверное, молитвы», - предположил Виктор. (Мы знали, что в одной из больниц Дёмин принял крещение. Опять-таки - для всех неожиданный шаг. Сколько же, никуда не растранижая, сумел укрыть в себе от посторонних взглядов этот по видимости «коммуникабельный» человек!). Я спросил Любу:

- Что, действительно, он проговаривал молитвы?

- Ну, что ты. Он же ни одной не знал. Нет. Скорей всего, это были стихи.

Ну, конечно, стихи! Стихи и были его молитвой. Им он остался верен до конца. И работе, в которой он из последних сил пытался математически исследовать конфигурацию лесного вывала, по результатам экспедиций КСЭ. Ему помогали сесть на кровати (сам уже не мог). Садился. Считал, считал, считал.

Здоровой рукой долгие часы барабанил на компьютере. Хотел УСПЕТЬ. Но и тут вмешалась сила, которую никак не назовёшь светлой: один из врачей вдруг возмутился, что больной в больнице занимается наукой. Непорядок! Раковому больному положено умирать и плакать, хватая за руки врачей. Этот вёл себя вызывающе. Врач распорядился убрать компьютер из палаты, т.е. по сути дела - отнять смысл последних дней жизни у человека, обречённого на смерть. Для меня до сих пор непостижимы мотивы этого поступка. Есть люди, которых унижает чужое мужество. Бог им судья. Хотел бы я поглядеть в глаза этому врачу... Но что сделано, то сделано.

Итак, у Дёмина отняли работу и оставили наедине с сознанием конца.

Своим сознанием этот человек распорядился иначе: он опять стал сочинять стихи. Стихи были посвящены женщине - молодой сестричке в белом халате, её лицо он ещё мог разобрать, возвращаясь в мир из беспамятства. Это вовсе не было бессвязной работой мысли, сознание действовало по-прежнему чётко, он не бредил, он работал: над рифмами, формой, метафорой (с этим уже ничего не могли поделаться ни врачи, ни сама болезнь). Однажды проговорил - уже еле слышно - вслух то, что получилось. Друзья, дежурившие у постели, попросили его повторить, сумели записать. Умиравший, впрочем, на этом не настаивал. Он никогда не писал для «вечности», он знал ей цену... Вот какими оказались слова, которым уже никогда не дано было воплотиться в раскатах неповторимо-звучного, - литое серебро высочайшей пробы! - Дёминского голоса:

*Стремительна, на ум остра,
Горжусь тобою, медсестра!
И как ты делала инъекции -
Ни разу не внесла инфекции!
Как появлялась ты в палате
В своём блистательном халате!
Какие тёплые ладошки,
Как с них клевать хотелось крошки.
Гибрид Христа и Анжелики -
Чужой судьбы немые лики...*

Последние строчки мне кажутся особенно замечательными. Здесь словно приоткрывается завеса тумана над течением его последних мыслей, в самом конце устья реки, называемой жизнью... Уже сгущаются сумерки. Но сознание - свежо как утро. И, ведь, не просто он видит лицо медсестры, он с интересом думает о ней! Так мы иногда вглядываемся, походя, в чужое, но показавшееся близким и милым лицо: что за человек? откуда? какие бездны в себе скрывает? и какой бездной окажется в конце концов его судьба? Пройдёт мимо - и, словно бы, никогда не было его... Те редкие мгновения, когда любой смертный вдруг понимает, что настоящая тайна - не где-то в далёкой дали, не в сиянии галактик и не в космической пыли, что она страшно близка, что в этой близости недостижима и что этой тайной всегда был и навсегда останется Человек.

Д.В. ДЁМИНУ*

Так погибают замыслы с размахом,
Вначале обещавшие успех,
От долгих отлагательств...

В. Шекспир "Гамлет"

Заброшенных стихов разорванные строки,
О чем они кричат в полночной тишине?
Я слышу по ночам их стоны и упреки,
Они спокойно спать не позволяют мне.

Зачатые в любви, восторгах и надежде,
Когда цвела весна, душа стремилась ввысь,
Не я ль готовил вам роскошные одежды,
Ах, почему же вы тогда не родились?

Здесь нет одной строфы, там не хватает слова.
Чего же медлю я, ведь это мне – пустяк,
На пять минут трудов, и все почти готово.
И все, наверно, так, и все-таки не так.

Прекраснейший сюжет, оставленный когда-то,
Здесь только пару слов сказать наедине,
И зазвенит сонет, как "Лунная соната",
И станет лучше мир, и ты придешь ко мне.

А вот лежит в пыли сатира на тирана –
Да будет мерзкий гад сатирой поражен!
Пусти ее скорей в проклятого Нерона –
Когда смеется мир, не страшен, кто смешон.

Несозданный шедевр, нелепые догадки,
Зачем вы рветесь в жизнь? – вам в ней не уцелеть.
Ну что ж, живи, мой стих, иди, Утенок Гадкий,
Но лебедем тебе прекрасным не взлететь.

Иль снова потерпел я кораблекрушенье,
Как будто мой корабль вновь налетел на риф,
И нет в моих стихах ни мысли, ни волненья
Среди избитых фраз и неуклюжих рифм.

Заброшенных стихов разорванные строки,
О чем они кричат в полночной тишине?
Я слышу по ночам их стоны и упреки,
Они спокойно спать не позволяют мне.

*Виктор Черников,
1983 г.*

* СИНИЛЬГА. Стихи, песни, баллады. – Новосибирск: Сибирский писатель, 1996

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие, 2003 г. (Виктор Журавлёв).....	5
Там, за Горизонтом. Предисловие, 1988 г..... (Дмитрий Дёмин, Виктор Журавлёв).....	9
Экипажи УФО – показания очевидца..... (Виктор Журавлёв).....	34
Код экипажей горизонта..... (Вадим Журавлёв, Виктор Журавлёв).....	36
Нетленное в тленном (Лев Штуден).....	39
Д.В. Дёмину (<i>стихи</i>) (Виктор Черников).....	61

Научно-популярное издание

Дмитрий Валентинович Дёмин,

Виктор Константинович Журавлев,
Вадим Викторович Журавлев,
Лев Леонидович Штуден

ПО КУРСУ ГОРИЗОНТ

Оригинал-макет подготовлен:

Разработка макета
и компьютерная верстка

Б.Ф. Бидюков
В.А. Бидюкова
Н.Б. Рахманина
Н.В. Вериго
И. Иванова
Е.В. Зубец
В.Г. Лихачева

© Рисунки в тексте
© Рисунок на обложке
Корректор
Редактор

Лицензия ИД 04617 от 24.04.01. Формат 60x84 1/6. Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печ. л. 4,25; усл. п. л. 3,95; уч.-изд. л. 4,09. Тираж 300 экз. Заказ .

Издательство ТГУ, 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4.
Отпечатано в ЗАО «Росветфарм»
630501, пос. Краснообск, НСО, ИЭВСиДВ.

ЭТЮД

*Была война. Большие были беды.
Качалась твердь и чавкал глинозем.
Где пораженья были, где победы –
Мы до сих пор никак не разберем.*

*Чернели трубы, голые, как трупы,
А трупы белым снегом замело...
Над Волгою, выдерживая румбы,
В зеленом небе плыли НЛО.*

*Они летят. У них – своя программа,
Свои пакеты прикладных задач.
Их не интересуется панорама
Слепых побед и временных удач.*

*Вагонами забитых полустанков
И кровью переполненных «котлов»
Как хорошо увидеть спозаранку
Неяркий свет чуть ниже облаков!*

*Пока стоит Европа за баландой,
Гремят моторы танковых армад –
На пульте формируется команда:
«Сменить режим – по курсу Волгоград!»*

Дмитрий Дёмин

ЖУРАВЛЕВ ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ

Окончил Томский гос. университет, радиофизический факультет. Работал в Томском политехническом институте, в институтах Новосибирского академгородка. Кандидат физико-математических наук. Один из организаторов и участников Комплексной самостоятельной экспедиции по изучению Тунгусского метеорита. Участвовал в полевых работах 11 экспедиций в район падения Тунгусского метеорита. Автор и соавтор научных статей, монографий и изобретений. В 80 - 90-е гг. был директором Новосибирского филиала Центра по изучению аномальных явлений (СибНИЦ АЯ).

ЖУРАВЛЕВ ВАДИМ ВИКТОРОВИЧ

Окончил Новосибирский гос. университет. Преподаватель Гуманитарного факультета НГУ. Область научных интересов - гражданская война в Сибири. Публикуется в новосибирской прессе по темам, связанным с историей и краеведением. В 1988 г. участвовал в экспедиции КСЭ в район падения Тунгусского метеорита.

ШТУДЕН ЛЕВ ЛЕОНИДОВИЧ

Выпускник Томского гос. университета, окончил радиофизический факультет. В 1972 г. окончил Новосибирскую гос. консерваторию им. Глинки по классу теории музыки. Занимался педагогической, писательской и просветительской деятельностью. Автор 12 книг разного жанра (проза, публицистика, научные монографии). Доктор культурологии. В настоящее время - доцент кафедры философии Новосибирской гос. академии экономики и управления.

